

ВЯЧЕСЛАВ КЕВОРКОВ

КАЖДОМУ СВОЁ

*Шниттке сидел, разва-
лившись на стуле, и курил
тонкую сигару...*

от роли
», и, зная
дии и Рос-
ую развед-
гра Эдуарда
кого посла во
мого Сталина.
сообщило всему
высокопоставлен-
заместителем ми-
илом Тухачевским.

Вячеслав Кеворков

Каждому свое

«У Никитских ворот»

2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус) 6.4

Кеворков В.

Каждому свое / В. Кеворков — «У Никитских ворот», 2016

ISBN 978-5-00095-578-9

Новый роман Вячеслава Кеворкова является итогом многолетнего исследования автором всегда остававшейся в тени, но оттого не менее героической составляющей победы в Великой Отечественной войне, а именно блестяще организованной диверсионной работы на оккупированной территории, вошедшей в историю под названием «радиоигра» («Funkspiel»), когда перевербованные советской разведкой диверсанты сообщали ведомству Шелленберга не вызывавшие сомнений в Берлине сведения, исходящие из советского Центра. Важную роль сыграла «радиоигра» в исходе Курской битвы и последовавших за тем военных операциях, а также в предотвращении в 1944 году покушения на Сталина – операции, которую Гитлер поручил Шелленбергу и контролировал лично. Организатором «радиоигр» был с самого начала в 1942 году молодой советский офицер Григорий Григоренко, «переигравший» самого молодого из членов гитлеровской верхушки Вальтера Шелленберга. Прообразами героев исторического романа стали реальные участники событий, многих из которых автор знал лично. Жанр исторического романа в данном случае не должен вводить читателя в заблуждение и подразумевает прежде всего тот факт, что все описанные события основаны на подлинном и объемном документальном материале из архивных и исторических источников на трех языках, а также рассказах участников событий. Помимо собственных воспоминаний автора как участника войны, работавшего на территории Германии и Австрии и по ее окончании. Книга адресуетса самому широкому кругу читателей, и прежде всего – читателю молодому, ищущему и ждущему правды, интересующемуся и мировой историей, и историей своего Отечества.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус) 6.4

ISBN 978-5-00095-578-9

© Кеворков В., 2016

© У Никитских ворот, 2016

Содержание

Биография	8
Книга первая	13
Глава первая	14
Глава вторая	27
Глава третья	68
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Вячеслав Ервандович Кеворков

Каждому своё

© Кеворков В. Е., наследники, 2018

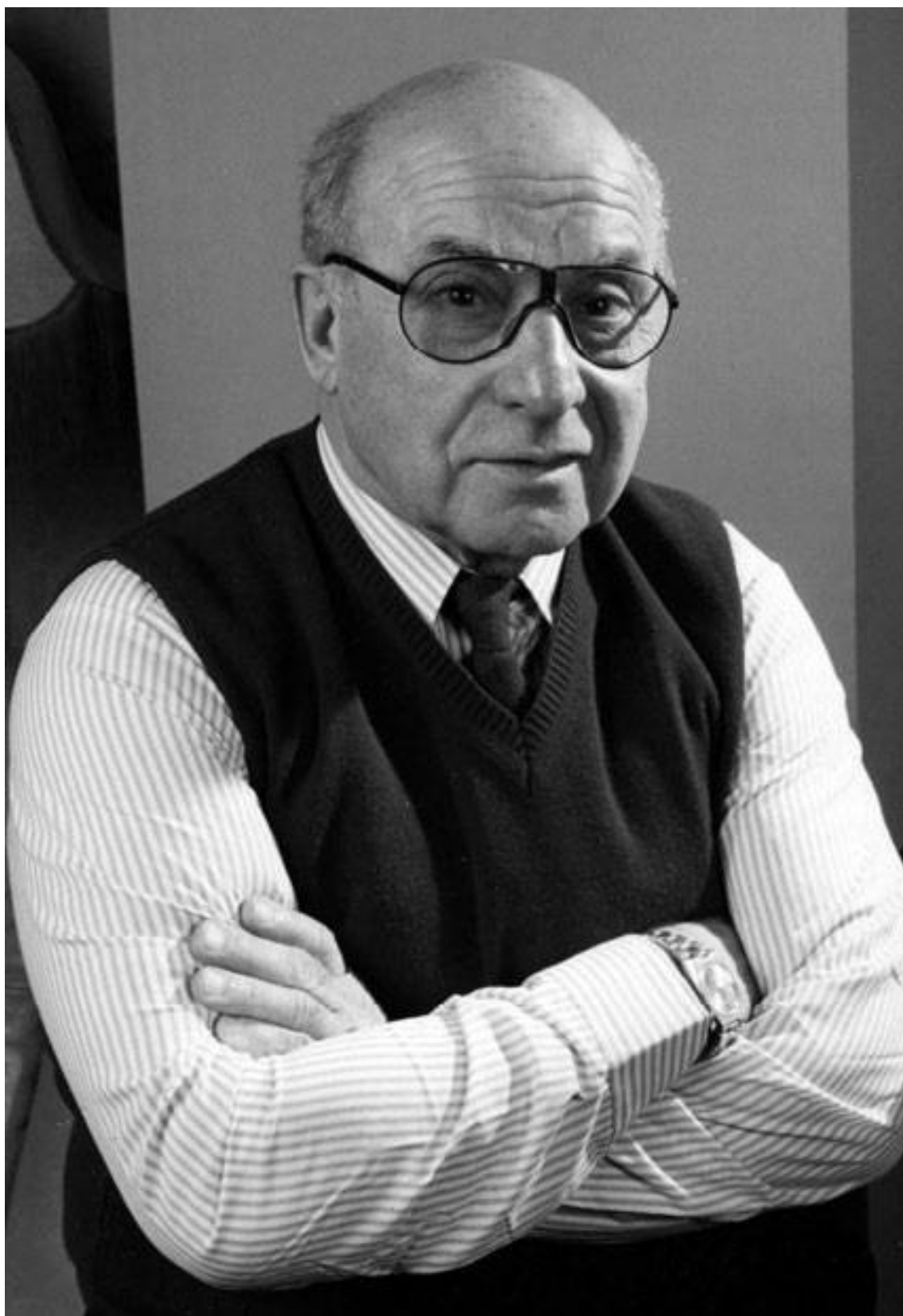
© Оформление. НПО «У Никитских ворот», 2018

* * *

Биография

Вячеслав Ервандович Кеворков, советский российский писатель, родился 21 июля 1923 года в Москве в одном из пречистенских переулков – Гагаринском, в доме номер 7. Родители Вячеслава были людьми самыми простыми, однако, модными в Москве закройщиками и портными. Мать Мария Александровна Петрова происходила из семьи потомственных рабочих пресненской ткацкой мануфактуры, отец – из семьи армянских беженцев, спасшихся от резни 1913 года. В тридцатые годы Слава Кеворков учился в известной московской школе в Старо-конюшенном переулке, бывшей Медведевской гимназии, где преподавали еще гимназические учителя. Таким образом, и он, и его сестры были истинными «детьми Арбата».

Впрочем, из школы его дважды исключали за прогулы – идеалом молодежи и провозглашенным лозунгом СССР в те годы был призыв к молодым заниматься спортом.

Страстно увлекшись академической греблей, он и утро 22 июня 1941 года встретил на соревнованиях на первенство Москвы, откуда в неполные 18 лет отправился со всей командой в военкомат.

Вскоре, благодаря знанию немецкого языка, Вячеслав был направлен в Военный институт иностранных языков, где ускоренный курс обучения включал и многократные вылеты на фронт для работы с военнопленными, и в тыл противника.

После окончания войны Вячеслав Кеворков был откомандирован в звании капитана переводчиком на Дунайскую флотилию, а в 1934 году зачислен слушателем в Военно-дипломатическую Академию Генерального штаба.

Радикальные перемены, предпринятые Н.С. Хрущевым сразу после прихода к власти в 1954 году, привели к резким изменениям во всех властных структурах, в частности, кардинальным кадровым чисткам в МГБ, в результате чего молодые офицеры ГРУ Генштаба были откомандированы во вновь образованный КГБ.

На протяжении 50-х и 60-х годов XX века В.Е. Кеворков работал во многих странах, в частности, в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Бельгии.

Новым этапом его профессиональной деятельности стал 1968 год, когда пришедший незадолго до того к руководству КГБ Ю.В. Андропов поручил ему заняться новым направлением в работе – направлением сугубо внешнеполитическим, а именно, установлением контактов с Западной Германией в разгар «холодной войны». Это стало особенно важно с приходом к власти в 1969 году канцлера; социал-демократа Вилли Брандта и провозглашение им новой «Восточной политики».

Карьерная стезя Вячеслава Кеворкова становилась весьма непростой, принимая во внимание состав Политбюро и интриги внутри него. Но Ю.В. Андропову удалось переломить непреклонную проатлантическую позицию министра иностранных дел А.А. Громыко. Успех был закреплен в подготовленных с непосредственным участием Вячеслава Кеворкова Московских договорах между СССР и ФРГ. Интенсивную работу вне рамок официальной дипломатии, получившую историческое название «Тайный канал», Вячеслав Кеворков продолжал вплоть до 1982 года, когда «канал» иссяк вследствие резкого изменения ситуации с обеих сторон.

В 1982 году после перехода в ЦК КПСС главы КГБ Ю.В. Андропова Вячеслав Кеворков ушел со своего поста в звании генерал-майора и перешел на работу в информагенство ТАСС в качестве заместителя генерального директора. И с головой погрузился в сферу любимой им журналистики, которой увлекся еще во время работы в Австралии и Новой Зеландии.

Свой пост после многих лет успешной и плодотворной работы (им было написано немало и немало сделано для советской журналистики по всему миру) пришлось оставить 20 августа 1991 года из-за разногласий во взглядах с вновь пришедшей к власти командой Бориса Ельцина и Егора Яковлева.

С октября 1991 года и до выхода на пенсию в 1997 году Вячеслав Кеворков возглавлял объединенный корпункт ИТАР-ТАСС в германоязычных странах (ФРГ, Австрия, Швейцария).

Первые литературные публикации появились в журнале «Огонек» в апреле 1984 года. Его литературное наследие включает книги разножанровые, написанные в различные периоды жизни и творчества, а две последние – «Свято кресло пусто...» и «Каждому свое» завершены в самые последние месяцы жизни.

Изданы книги: «Тайный канал», «Кремлевская оперетка», «Исповедь перед казнью», «Генерал Бояров», «Ночной поезд. Палач. Свято кресло пусто...», «Виктор Луи – человек с легендой», «Избранные рассказы», «Сюртук», «Сорвавшаяся петля», «Свято кресло пусто...».

Вячеслав Кеворков ушел из жизни 9 июня 2017 года, 38 дней не дожив до своего 94-го дня рождения.

Книга первая

Григорию Григоренко посвящается

Глава первая

За лютой зимой первого года войны последовало истеричное лето 1942 года. Жара без всякой на то надобности сменялась ливневым дождем, затем следовали не по сезону холодные дни, и вновь появлялось жаркое солнце, которое выжимало влагу из всего, что попадало под его лучи. Хлеба на полях застыли в недоумении: стоит ли вызревать окончательно, если убирать их будет некому, или, что еще хуже, если они попадут в чужие руки. Война не терпит долгих размышлений, ей нужны быстрые решения. Раздумья – привилегия времени мирного.

Небольшой автомобиль черного цвета с большими фарами, прикрытыми, словно лица восточных красавиц, черной материей с узкими прорезями для глаз, через которые на дорогу едва пробивались слабые лучи света, прошуршав галькой, осторожно подъехал к небольшому дачному домику, оставлявшему свои еле видимые очертания на фоне темного неба. За ним просматривались еще несколько подобных строений, вытянувшихся вдоль узкой асфальтированной дорожки. Похоже, в мирное время здесь был какой-то дом отдыха или санаторий. С началом войны здоровье отдельных лиц отошло на второй план, уступив место всеобщему выживанию целой нации.

Как только машина, слепо двигаясь, притормозила у крыльца, и слабый луч зашторенных фар обнажил его первую ступеньку, дверь открылась, и на пороге возник силуэт хозяйки. Свет, вырвавшийся теперь из коридора через полуоткрытую дверь, очертил ее фигуру, лишенную склонности к излишней полноте. Григорий вышел из машины, поднялся на две ступеньки и поприветствовал хозяйку.

– Как самочувствие, Верочка?

– Спасибо, хорошо.

– Как наш гость?

Она понизила голос:

– Целый день писал письма, затем притомился и сейчас спит.

– Спит?! – искренне удивился Григорий.

Его небольшой по времени, но насыщенный событиями опыт подготовки и заброски людей за линию фронта не имел подобного прецедента. Все его подопечные были добровольцами, но при этом каждый вел себя по-своему. Одни просили разрешение накануне начала операции поговорить по телефону с любимой на какую-то абстрактно-житейскую тему, лишь бы услышать до боли знакомый голос. Другие, наоборот, откладывали любой вид общения с внешним миром до возвращения. Но никому не удавалось за несколько часов до встречи с суровой неизвестностью лечь в постель и крепко заснуть.

Как-то Григорий проконсультировался у врача-психиатра по поводу возможной реакции человека на подстерегающую его опасность. Доктор взял лист бумаги и изобразил на нем четыре возможных варианта, но, немного подумав, приписал пятый, как не менее вероятный – неожиданное наступление сна. Он пояснил, что этот случай наступает при полном истощении нервной системы или, наоборот, при идеальной ее стабильности.

Война сжимает время. То, на что в мирный период тратятся недели, а то и месяцы, во время войны должно быть реализовано в часы, а иногда в минуты. Это в свою очередь достигается нечеловеческим напряжением сил и нервов. Не напрасно один день на фронте приравнивается к трем дням службы в мирных условиях. А надо бы к десяти.

В духе времени Григорий за короткий срок стал маститым инструктором, забросил в тыл противника две диверсионно-разведывательные группы, которые сурово покарали коллаборационистов, восстановили законную власть в некоторых оккупированных немцами районах, после чего, перейдя линию фронта, благополучно вернулись на базу под Москвой.

Второй «блин» Григория также никак нельзя было назвать «комом». Это была безусловная удача. Подготовленный им известный боксер-тяжеловес оказался великолепным учеником, старательным, вдумчивым и умным. На первой же встрече с Григорием спортсмен изложил свое видение профессионально и с юмором. До того он бил только своих, настало время помериться силами с настоящим противником. На самом же деле боксом во время подготовки он почти не занимался и объяснял это просто: для непонимающих бокс – это мордобой, для людей знающих – высокоинтеллектуальный вид спорта. За одну минуту боя на ринге боксер решает такое количество задач, которое самый крупный математик не в состоянии изобразить на черной доске мелом за несколько часов.

После этого Григорий присвоил ему псевдоним «Математик».

«Математик» был удачлив. Установил связь с молодым человеком, специально оставленным на оккупированной территории. Тот до войны увлекался боксом, ездил в Москву, видел на ринге «Математика», который стал его спортивным кумиром. Теперь, встретившись в тылу у немцев, они взяли под контроль выделенный им район. Из местных молодых ребят создали поначалу небольшую диверсионную группу. Скоро к ним присоединились военные, вышедшие из окружения и бежавшие из немецкого плена. В отряде они спешили реабилитироваться за преступления, которые не совершали. За плен, куда попали не из-за трусости, а по вине тех, кто теперь мог их покарать. Отряд действовал до прихода армии. Затем часть влилась в ее ряды и вместе с ней двинулась на Запад.

* * *

Григорий осторожно вошел в комнату.

На столе у зашторенного, словно слепого окна, были аккуратно выложены лесенкой семь одинаковых конвертов сероватой бумаги, из которых торчали такие же удивительно похожие друг на друга сероватые листки бумаги. В центре стояла небольшая настольная лампа с кокетливо изогнутой ножкой и маленьким черным непрозрачным абажуром. Под ней лежал лист бумаги, а на котором было четко выписано обращение: «Дорогие мама и папа! Сегодня у нас день отдыха и каждый развлекает себя, как умеет. Я пишу письмо вам в надежде...» На этом послание прерывалось.

Григорий сел за стол, взгляд его упал на перевязанную веревкой и, видимо, приготовленную для отправки домой пачку книг. Надпись на обложке удивила его. «Идиот» – крупными буквами посередине, мелкими наверху – «Ф.М. Достоевский».

Еще в институтской библиотеке Григорий как-то взял книгу этого странного писателя. Придя домой, прочел до конца первую повесть и одолел вторую, затем внимательно просмотрел все иллюстрации: грязные городские улицы, фонарь еле освещает тротуар, по которому двигаются силуэты. Иногда из-под женских и мужских головных уборов выглядывают испуганные лица. В памяти сохранилось ощущение бесконечной тоски, исходившей от прочитанного.

Ему импонировало значительно больше всё, что призывало к борьбе, к освобождению. Например, книга Николая Островского «Как закалялась сталь». И неудивительно. Григорий, как и герой книги, родился в простой семье во времена, когда в стране царили голод и разруха. Чтобы выжить, он подростком пас соседских свиней. И тем не менее, после получения среднего образования он поступил в Полтавский пединститут, по окончании которого некоторое время преподавал в школе. А за год до начала войны произошло событие, которое в корне изменило будущее Григория: его направили на работу в органы госбезопасности, которые назывались тогда Народным комиссариатом внутренних дел. Работать и учиться, недосыпать и недоедать было в те, предвоенные годы, нормой жизни. Григорий не очень представлял тогда, что уготовила ему судьба.

* * *

В конце первого года войны немцы, подойдя к Москве, натолкнулись на суровую зиму и жесткое сопротивление Красной армии, после чего им пришлось расстаться с мечтой о быстром захвате столицы. Оставляя промерзшие трупы своих солдат на полях сражений, они стали отходить на запад, чтобы там на каком-то рубеже организовать и с новыми силами прорываться к Москве. Таково было реальное представление о возможных действиях противника. Но теперь, когда русский солдат впервые после долгих унижительных месяцев поражения ощутил вкус победы, нужно было сохранить его для успеха в будущем. Теперь советскому руководству было крайне важно знать не только количество и качество немецких дивизий, противостоявших Красной армии, но и то, что происходило в головах немецких правителей и военных после неудачи, постигшей их под Москвой.

К сожалению, одна из первых попыток, предпринятых в этом направлении, закончилась трагедией. Заброшенный в район дислокации мощной немецкой группировки «Север» хорошо подготовленный русский разведчик «Дрозд», едва закончив легализацию в районе города Пскова, был схвачен контрразведкой противника. Поскольку его легенда появления в немецком тылу не выдержала проверки, после жестких допросов и пыток он был расстрелян.

Шла бескомпромиссная битва военных гигантов, в которой Советский Союз терпел на фронтах одно поражение за другим. Таким образом, в очередной раз вставал извечный для России вопрос: быть или не быть? Соответственно и борьба на всех уровнях приняла тотальный характер. Разведка не терпит вакуума.

Гибель опытного советского разведчика была тяжело воспринята его коллегами и вызвала поначалу подавленное состояние, которое тут же переросло в неотвратимое чувство возмездия. В результате широкомасштабных арестов, проведенных немцами, советская резидентура, поспешно созданная в районе Пскова в условиях стремительного продвижения противника, понесла серьезные потери, и, тем не менее, немного оправившись, начала активно действовать. По ее данным, провал разведчика произошел из-за предательства одного из людей, с которыми он успел установить контакт по рекомендации Центра. Имя предателя оставалось долгое время неизвестным. Но зато очень скоро выяснилось имя сотрудника немецкой военной контрразведки (абвера), который руководил действиями предателя, участвовал в разработке и даже присутствовал при казни советского разведчика.

* * *

Холодным, ветреным вечером середины февраля 1942 года посетители небольшого, но очень уютного заведения «Феникс», расположившегося в полуподвале недалеко от офицерского дома, наслаждались небольшим выбором крепких напитков, наливов, настоек и т. п. Но еще большим наслаждением, ради которого и стоило посещать эту обитель, была нежная свиная вырезка, отбитая на ширину сковородки и обжаренная в сухарях. Она великолепно украшала почти все столики, включая и тот, что приютился в углу комнаты, за которым сидели не по чину пожилой старший лейтенант и совсем молодая голубоглазая блондинка с ярко накрашенными губами.

Они почти не разговаривали. Она больше внимания уделяла «венскому шницелю», он – крепкому напитку. Судя по всему, отношения между ними были не столько длительными, сколько основательными. Именно это давало ей право достаточно резко выступать против очередной порции крепкого спиртного, которую вливал в себя уже сильно захмелевший немецкий друг.

– Послушай, Зиберт! Ради бога, не пей больше. Вчера я еле дотащила тебя до дома. У меня сегодня спина болит.

– Извини за вчерашнее. Обещаю, сегодня я, пожалуй, и сам дойду. – Он помолчал, затем наполнил рюмку, выпил и продолжил, с трудом растягивая теперь не только предложения, но и отдельные слова. – Должен тебе сказать, что немка, как и ты, русская, выпившего мужика на улице не бросит. А вот француженка или итальянка... эти... – он безнадежно махнул рукой. – А еще хуже голландка. Рост минимум два метра, нога номер сорок восемь, ладонь мою морду от уха до уха закроет. – Он показал на себе. При этом ладонь его с трудом скрыла от внешнего мира лишь половину лица.

Финалом рассказа стала очередная стопка, которая с изрядным количеством своих предшественниц определила существенный рост степени откровенности.

– Ты ведь еще молодая и потому не знаешь, насколько несправедливой может быть жизнь. Я завербовал русского агента, работающего в нашем тылу. Тот на блюде преподнес нам своего резидента, которого на днях расстреляли. А вот докладывать об успехах со всеми документами полетит в Берлин руководитель группы, который и дела-то толком не знает. Поприсутствовал на одном допросе – вот и все его участие. А теперь наверняка железный крест получит.

– Ну и пусть получит. И отправляется куда ему заблагорассудится.

– Может, ты и права. В Берлине у меня никого нет. Мать в Торгау живет, а больше никого, – он молча опрокинул еще одну стопку.

Она-то и явилась как раз тем пределом, за которым умение молчать заменяется непреодолимой потребностью выговориться.

– Ты думаешь, легко смотреть на человека, пусть даже противника, который может достойно умереть? – Он влил в себя очередную порцию. – Признаюсь, у меня стало мокро в штанах, когда его ввели в подвал. У стены – два автоматчика, бледных, как полотно. Они убивают в упор впервые. Их начальство решило воспользоваться случаем и устроить им испытание на мужество. Гестаповец встал между ними и арестованным и сказал: «У вас есть еще три минуты – последний шанс рассказать всю правду и остаться в живых». А он ответил: «У меня есть только одна правда, другой не существует». Гестаповец не удивился: «В таком случае вы сами решили свою судьбу». И что ты думаешь, сказал арестованный? Его последние слова были: «Как говорил Ницше, каждому свое». Потом пленник поднял голову к маленькому оконцу в верхнем углу подвала и попрощался взглядом с земным светом навсегда. – Лейтенант хотел что-то еще добавить, но махнул рукой и выпил очередную стопку.

* * *

Три человека в белом перешли дорогу и тут же, используя лежавшее громадное дерево в качестве прикрытия, окопались, изготовившись для броска на любой двигавшийся по дороге предмет. То же самое проделали еще трое десантников, остававшиеся на другой стороне. Один из них по-деловому прошелся вдоль накатанного пути, выбрал два склонившихся над дорогой дерева и закрепил на их стволах связки взрывчатки. Затем стянул провода в одно место и засыпал пути их пролегания снегом.

Лес погрузился в привычное молчание. С приближением ночи температура резко пошла вниз. Наступило полное безветрие и тишина. Все шестеро белохалатников действовали молча. Один отрывал в снегу ячейки, другой маскировал их разлапистыми хвойными ветками. Третий заметал ими следы по обе стороны дороги.

Радист достал небольшой радиоприемник, ловко, не снимая шапки, подсунул под нее наушник, вышел на нужную волну и стал ждать. Остальные также закончили обустройство на новом месте, после чего погрузились в напряженное ожидание. Общались редко и только жестами.

Вскоре откуда-то выплыла яркая луна и осветила подступавшее к лесной кромке поле, на котором, словно на бумаге, четко отпечатались силуэты елей, словно умело нарисованные на небесно-голубоватом снегу.

Прошло немного времени, и ночное светило, проделав лениво положенный ему путь по небосводу, завалилось за верхушки деревьев в противоположной части леса.

Но земля не может оставаться долго в темноте, и над деревьями в восточной части леса появилась едва заметная узкая полоска утреннего проблеска, которая постоянно расширяясь, открывала все больше простора для поднимающегося из-за горизонта дневного светила.

С появлением на горизонте первых лучей солнца в наушниках у радиста прозвучало сообщение местной администрации.

«В связи с понижением температуры направили сегодня в 6.20 дополнительно одну платформу угля по железной дороге. Получение подтвердите».

Для радиста «6.20» означало начало движения немецкого транспорта без сопровождения. Через несколько минут текст еще раз прозвучал в эфире. Радист подал знак рукой. Люди по обе стороны дороги пришли в движение. Но только на несколько секунд, а затем вновь наступила полная тишина.

Прошло более часа, прежде чем прерываемый тоскливым завыванием ветра звук работающего мотора превратился в хорошо различаемый постоянный рокот.

Перед самым лесом дорога поднималась резко в гору так, что для лежавших по обе стороны на опушке леса десантников все происходившее внизу представлялось как на ладони.

Наконец из-за поворота медленно, словно червь, выполз бронетранспортер, водитель которого переключил скорость, и машина, скрепя гусеницами по промерзшей земле, принялась старательно карабкаться вверх. Вползание в темный лес, видимо, навело мрачные мысли водителю. Машина на мгновение остановилась, но тут же двинулась вперед и уже почти въехала в темную полосу леса, как где-то совсем рядом раздался хлопок. Величественная вековая сосна вздрогнула от боли и, цепляясь за ветки соседних стволов, стала валиться в сторону дороги.

Взрыв и шум падающего дерева вызвали у водителя транспортера единственно возможную реакцию: он нажал на педаль, и машина рванулась вперед, что нарушило все расчеты подрывника. Многотонное тело дерева рухнуло не перед транспортером, преграждая ему дорогу, а навалилось прямо на машину, сбросило ее с дороги и положило набок.

От тяжелого удара корпус транспортера деформировался. В результате одну дверь заклинило, а другая отделилась от корпуса и углом воткнулась в сугроб. Вывалившиеся через образовавшуюся дыру два солдата и водитель, не успев сориентироваться в пространстве, открыли беспорядочную стрельбу по невидимым целям. После двух гранат, брошенных из укрытия к ногам стрелявших, в лесу восстановилась былая тишина.

Под прикрытием огня, который успели открыть солдаты, из транспортера выбрался капитан и, держа в левой руке туго набитый бумагами портфель, а в правой – парабеллум, побежал вглубь леса. Время от времени он на бегу делал несколько выстрелов в сторону невидимых преследователей, после чего бежал дальше. Перед просекой он, обессиленный, рухнул в снег. Холодный воздух, проникнув в легкие, обжог грудь изнутри, дышать стало трудно. Все же капитан поднялся и сделал несколько шагов.

– Бросай оружие... – прозвучало совсем близко у него над ухом.

Рефлекс сработал быстрее, чем разум. Едва развернувшись, он выстрелил в ту сторону, откуда прозвучал голос. С интервалом в доли секунду последовал ответный выстрел, теперь уже прицельный. Пуля прошла через шею капитана. Падая, он взмахнул руками. Влево упал портфель с бумагами, в правую – теперь уже не нужный парабеллум.

Один из белохалатников поднял портфель, отряхнул от снега, и все шестеро поспешили к еле заметной дороге в стороне, где их поджидали две крестьянские санные подводы. Лошади,

изрядно промерзнув на холодном ветру, с радостью рванули с места, и обе повозки скоро скрылись за поворотом. Ветер помчался за ними вдогонку, замечая попутно и оставленные на снежной дороге следы.

* * *

Григорий считал полезным ознакомить своего подопечного с теми методами, которые противник использует при допросе людей, активно действующих против Германии.

Генрих Северов отнесся к этой акции, как позже сказал Григорий, «вдумчиво». Изучал документы внимательно, часто перечитывал, делал записи в тетради. Для удобства он разложил бумаги прямо на полу. Пачек с документами оказалось пять. Северов недолюбливал эту цифру, считая ее примитивной, а потому пересортировал всё в четыре подборки, и последнюю отложил в сторону, сделав на ней надпись «Приговор – казнь». Затем извинился перед хозяйкой, но к ужину не вышел.

За чтением прошла вся ночь. В постель он лег лишь под утро. И тем не менее в оставшееся время сон сумел великолепно сбалансировать настоящее с прошлым, а наутро – подвести окончательный итог происшедшей трагедии.

К завтраку он вышел как всегда чисто выбритым, свежим и в ровном настроении.

Вера засуетилась, накрывая стол скатертью и ставя вазу с выпечкой и стакан суррогатного кофе. В Москве в те времена это было непозволительной роскошью.

– О-о! Какой запах! – Северов сделал пару глотков и картинно возвел глаза к потолку.

– Перестаньте издеваться, Генрих! Это же не настоящий кофе.

– Знаете, Верочка, у немцев есть незамысловатая мудрость. – Северов на секунду задумался, потом произнес: – Чего не знаешь, того не пожелаешь. – И явно недовольный своим переводом, поморщился. – Видите ли, я плохой переводчик, не было практики.

– Как же это?

– Дело в том, что у нас в доме всегда мирно уживались два языка. Мама, немка, прекрасно говорит по-русски и обожает русскую литературу. Но со мной она всегда говорила только по-немецки. Отец – в прошлом офицер русской армии – свободно владеет немецким. Но со мной он всегда говорил исключительно по-русски. Вот и стал я таким гибридом. – Северов рассмеялся пришедшему в голову лингвистическому экспромту – Что поделаешь, так сложилась жизнь моя.

Он помолчал. В его молодые годы немецкий язык был в Эстонии вторым государственным языком, а в СССР просто очень популярен: его учили в школе, на нем считалось хорошим тоном говорить в семье, особенно если в роду были немецкие корни. Строгое немецкое воспитание считалось образцовым, а потому все немецкое и прежде всего язык, выйдя за рамки моды, становилось еще и престижным.

В Советском Союзе братание с немцами зашло так далеко, что немецкие танки в обход Версальского договора проходили испытания на советских полигонах под пристальным вниманием специалистов с обеих сторон. И во всех, даже маленьких кинотеатрах на необъятном советском пространстве шел фильм «Петер», где австрийская актриса Франческа Гааль пела по-немецки песенку «Целуй меня».

Вся эта волшебная экранная жизнь была настолько заоблачно роскошной и непонятно-далекой для советского зрителя, что не вызывала даже зависти, как если бы события происходили с инопланетянами в иной галактике.

Мысли эти часто посещали Генриха, но задерживались в его сознании ненадолго. И сейчас промелькнули в одну секунду. Он поднял голову и встретил все тот же удивленный взгляд Веры, которая хотела что-то сказать. Но в этот момент в коридоре послышались шаги. Дверь распахнулась, и на пороге возник Григорий.

Хозяйка проявила завидное самообладание и, несмотря на неожиданное появление гостя, спросила:

– Вам, Григорий Федорович, как обычно, чай?

Начальству неизменно льстит, когда подчиненные помнят об их привычках. Вера накрыла на стол и удалилась.

– Ну что, Генрих, удалось все прочесть?

Григорий впервые назвал его по имени, что в соответствии с табелью о рангах, означало обоюдный переход на «ты».

– Одну минуточку, Григорий Федорович. – Северов был не готов к такому быстрому ответу.

Он метнулся в свою комнату и вернулся с кипой документов, которую водрузил на свободную часть стола. Затем не спеша переставил пустые стаканы и чайник на стоявший рядом комод, смахнул полотенцем со стола несуществующие крошки и разместил на нем все четыре стопки документов, одну за другой. Делал он все это очень основательно. Григорий молча наблюдал.

– Как я понимаю, – начал Северов, положив руку на самую последнюю подборку бумаг, – мне предстояло проанализировать действия противника, обусловившие трагический провал и гибель нашего коллеги. Не так ли?

Григорий, сев в кресло поодаль, утвердительно кивнул. Лицо его изобразило интерес, который появляется у взрослого к подростку, удачно собравшему из отдельных деталей конструктора незамысловатое сооружение.

– Итак, начнем с заключения, – сказал Северов. – При всем великом уважении к товарищам, я беру на себя смелость утверждать, что составленное и подписанное ими, весьма авторитетными и уважаемыми специалистами, заключение... – он сделал небольшую паузу, – ошибочно.

– То есть ты, Генрих, считаешь, что комиссия из четырех человек сделала неверный вывод?

Северова саркастический тон Григория не смутил.

– Да, – спокойно парировал он.

– Ты можешь аргументировать утверждение?

– Конечно.

Северов молча принялся раскладывать на столе принесенную им кипу фотокопий немецких документов, к которым прилагался перевод на русский язык.

Образовавшаяся короткая пауза в диалоге заполнилась для Григория воспоминанием о событиях вчерашнего дня.

Он сидел в кабинете с зашторенными окнами и при свете настольной лампы зеленого стекла внимательно читал страницы, которые теперь раскладывал перед ним Северов, а затем написанное его старшими коллегами заключение. Перевернул последнюю страницу, глянул на часы, висевшие высоко на противоположной стене. «Четыре часа ночи?» Он не любил это время суток. Просыпаться еще рано, засыпать уже поздно – самое время совершать поступки. К тому же в кабинете становилось нестерпимо душно. Двое коллег, разделявших с ним комнату, покидая на ночь свои столы, оставили на них переполненные окурками пепельницы. Словно обгоревшие трупы, они лежали друг на друге и смердели значительно ядовитее, нежели в момент самосожжения в угоду их владельцам. Григорий вытряхнул окурки в корзину и поспешно вышел, плотно закрыв за собой дверь.

В коридоре царил полумрак. Он двигался почти на ощупь, тихо переставляя ноги по идеально гладкой поверхности пола, выложенного добротным паркетом в далекие дореволюционные времена в здании тогда еще знаменитого страхового общества «Россия». Свершившаяся в

стране революция отдала здание в руки различных Управлений госбезопасности, которые уже никого и ни от чего не страховали.

Осторожно передвигаясь по безлюдному и темному коридору, Григорий слышал за одной из закрытых дверей стук пишущей машинки. Открыл дверь и оказался в небольшой комнате. Перед ним за столом сидел молодой блондин, целиком погруженный в творческий процесс. Он старательно водил указательным пальцем по клавиатуре и, отыскав нужную букву, со всей силы ударял по ней, после чего тут же приступал к поискам очередного необходимого ему знака. Оба глаза, стянутые к переносице, прикушенный кончик языка в левом углу рта подтверждали, что творчество требует полной и самозабвенной отдачи.

Григорий незаметно прошел за спину труженика и углубился в чтение уже отпечатанных в муках строк.

«Дорогая Ксения. Пишу тебе на машинке...»

– Не «мо», а «машинка», – поправил из-за спины Григорий.

– А ты откуда знаешь? – поинтересовался автор, не удивившись и не повернув головы.

Вопрос застал Григория врасплох – в синтаксисе он был не силен, но в орфографии чувствовал себя уверенно.

– Стасис, делай, как говорю, не задавай глупых вопросов.

Иногда уверенный тон действеннее доводов. Каретка машинки сместилась влево, и буква «о» уступила место «а».

– Ну и чего ты здесь сидишь ночами? Тебе дня не хватает? – поинтересовался Григорий.

– Приказали до утра подготовить к сдаче в архив дело на расстрелянного в Пскове нашего разведчика. Сказали, как написать заключение. Я написал. Теперь дожидаясь утра, когда начальство появится.

– И как, по твоему мнению, мог такой опытный конспиратор провалиться?

– По доносу кого-то из местного населения. Фамилия доносчика в деле не фигурирует.

– Получается, анонимный предатель?

– Выходит...

– Не понимаю, как можно сдавать дело в архив, если предатель не разоблачен и даже не выявлен, а работа по группировке «Север» только начинается?

Григорий покачал головой. Стасис неопределенно пожал плечами.

Вернувшись в свой кабинет, Григорий достал из шкафа бритву, мыло, полотенце, зашел в туалетную комнату, побрился, облился холодной водой до пояса и, энергично растерев тело полотенцем, оделся. Ощущая свежесть всем телом, вернулся в кабинет, сел за стол и снял трубку телефона внутренней связи.

– Капитан Сахно слушает, – прозвучал голос в трубке.

– Доброе утро, это Григоренко. Хотел бы по срочному делу переговорить в течение дня с шефом.

– Одну секундочку.

– Вам что, не спится? Звоните в такую рань, – послышался суровый генеральский голос.

– Еще как спится, товарищ генерал, если срочные дела не одолевают.

Повисла пауза.

– Ну если срочные, заходи побыстрее, а то я скоро уеду.

Григорий схватил папку и, не став дожидаться лифта, пролетел три этажа по лестнице.

Адъютант с сильно помятым бессонной ночью лицом молча кивнул в сторону кабинета. Сидевшая за столиком с накрытым белой салфеткой подносом секретарша уныло проводила взглядом вошедшего, тут же скрывшегося за двойной дубовой дверью, похожей на шкаф.

В отличие от подчиненных шеф выглядел более чем бодро: подтянут, свежесбрит и обильно орошен «Тройным одеколоном», густые пары которого могли стать смертельными для любого кровососущего насекомого.

– Садись, – буркнул он, нажав кнопку, попросил принести два чая, которые мгновенно появились на знакомом подносе в окружении горки печенья из темной муки. – Пей и рассказывай, только коротко.

Генерал сделал два глотка, а Григорий – один, неосторожно скосив глаз на печенье.

– Ты ешь печенье, не стесняйся, – перехватил его взгляд хозяин кабинета. – Я с утра только чай пью, а ты ешь и рассказывай.

Григорий повиновался.

– Мы сейчас заканчиваем подготовку к заброске нашего человека в район Пскова.

– Северова. Я в курсе. Хорошая кандидатура.

– У него мать немка, то есть он наполовину...

– Прекрасно. Нам эти немецкие «половинки» сейчас вот как нужны, – он решительно полоснул себя указательным пальцем по горлу и тут же глянул на настенные часы.

Положение стрелок на них, судя по всему, было для него важнее, чем выяснение причины столь раннего появления подчиненного.

– Не будем терять время, говори, с чем пришел.

– Я случайно узнал, – уверенно начал Григорий, – что дано указание сдать в архив дело, связанное с гибелью нашего коллеги. При этом непонятно, это результат предательства или допущенный им просчет. И до выяснения этого...

Фраза повисла в воздухе. Григорий глянул на сидевшего перед ним шефа и замолчал.

– Надеюсь, тебе известно, что в результате арестов и расстрелов, проведенных немцами, сильно пострадала наша резидентура, действующая против немецкой группировки «Север» в районе Пскова. Многие не хотят признавать, что успех нашей работы в тылу противника прямо зависит от успеха наших войск на фронте. И тем не менее это так. Естественно, мы будем действовать активно в любых условиях, но не учитывать это обстоятельство не имеем права.

Телефон на столе сначала неуверенно щелкнул, а затем зазвонил. Генерал безмятежно приложил трубку к уху. Однако уже первые слова, прозвучавшие в наушнике, кардинально изменили его настроение и внешний вид. Он сник, опустил голову на левую руку. Освободившись из объятий правой руки, бесшумно на стол легла телефонная трубка. В ней всё ещё звучали какие-то слова, которые его уже больше не интересовали.

Генерал долго молчал и наконец поднял голову.

– Согласно приказу Верховного, сегодня утром казнили генерала моего друга детства. А я так надеялся. – Он обнял обеими руками голову.

– Как так?! – вырвалось у Григория.

– На его участке фронта немцы прорвали оборону. В результате несколько наших дивизий попали в окружение. Трибунал вынес смертный приговор. Перед казнью ему разрешили проститься с женой. Она выдержала две минуты, после чего ее прямо из тюрьмы увезли в больницу для умалишенных. Остались несовершеннолетние сын и дочь.

– Не понимаю, зачем расстреливать своих? Могли бы разжаловать и под чужой фамилией отправить в штрафбат. Еще повоевал бы.

– Как видишь, законы войны не всегда совпадают с логикой жизни.

Он помолчал. Затем, словно очнувшись от какого-то наваждения, поднялся из кресла и заговорил уже совсем иным тоном.

– Сегодня – нет, завтра – маловероятно. Послезавтра в десять... у меня вместе с Северовым. А в ночь с субботы на воскресенье – операция.

Григорий обратил невольно внимание на то, что, формулируя указание, генерал умудрился обойтись без единого глагола.

«Может быть, и правильно, – подумал тогда он. – Ведь и так все понятно».

* * *

Григорий посмотрел на часы и очень удивился. Если верить стрелкам, прошло меньше десяти минут, а событий в его сознании промелькнуло множество.

Странно было и то, что Северов за это время успел разложить на столе более половины документов, хотя действовал достаточно энергично и лишь изредка останавливался, подыскивая нужную страницу в выстроенной им схеме.

Григорий не стал нарушать ход его мыслей.

Вернувшись тогда после разговора с начальством в свой кабинет, он заперся и огляделся. Два стола у окна, выходящего на площадь, словно быки, тупо уперлись друг в друга. В открытую форточку потянуло утренней свежестью. Он опустился в кресло, изношенные части которого приняли неожиданно свалившийся на них груз отнюдь не безмолвно.

Мягкое погружение в сон – процесс приятный, а после тяжелого рабочего дня – приятный вдвойне. Спящий не ведет счет времени. Когда он открыл глаза, день был уже в разгаре, но в комнате царил мрак от табачного дыма, в облаках которого Григорий с трудом различил силуэт своего коллеги по кабинету.

Тот сидел за своим столом, листал толстое дело и непрерывно дымил папиросой. Перед ним на столе лежали две пустых и одна открытая пачка. Читал он с увлечением, не отрывая глаз от страниц и не поднимая головы.

К коллеге Григорий относился с должным уважением, хотя фамилия Маркевич вызывала у некоторых коллег смутные и плохо объяснимые сомнения. Смягчало ситуацию имя Семен, одинаково любимое как на Украине, так и в России, и в Белоруссии. Жили Маркевичи по рассказам Семена в небольшом домике в пригороде Минска. Отец умер рано, оставив о себе в памяти сына модные в то время усы, закрученные с обеих сторон. Мать посвятила остаток жизни музыкальному воспитанию детей города, в том числе и своего сына. Тот, правда, больше интереса проявлял к познанию тайн радио. В результате музыкальную школу Семен закончил с оценкой «хорошо», а курсы радистов – с отличием.

На этом безмятежная пора в жизни Семена закончилась. За две недели до начала войны учительница музыки, возвращаясь с работы, вставила ключ в дверной замок и упала замертво.

Семен еще не успел справиться с мыслью о том, что остался в этом мире почти один, как грянула война. Немецкие войска так стремительно рвались на Восток, что он едва успел вскочить в последний вагон последнего поезда, уходящего в Москву.

Освободившись от сна, Григорий поднялся из кресла и, с трудом ориентируясь в сильно задымленном пространстве, открыл дверь. Долгое время находившаяся взаперти никотиновая смесь выплеснулась в коридор едким сизым облаком. Из него, словно Венера из морской пены, возник небольшого роста человек в форме полковника, который решительно направился к сидевшему за столом Семену.

– Сколько раз я писал и говорил, что курить в рабочих кабинетах запрещается, – заорал он не по росту высоким голосом.

Семен, все еще находясь во власти прочитанного, тупо уставился на офицера.

– Встать! Когда разговариваешь со старшим по званию.

– А я еще ничего не сказал.

– Тогда тем более. Встать!

– Простите, а кто вы?

– Я? Я – комендант здания полковник Бричкин.

– Бричкин? – вдруг оживился почему-то Семен. – Это вы подписались под инструкцией в лифте? Я по несколько раз в день читаю ее с удовольствием, и поднимаясь вверх, и спускаясь вниз.

– Что?! Я не позволю шутить над комендантом здания. Вы еще все об этом пожалеете! – выкрикнул полковник, исчезая за дверью, хлопнув ею с такой силой, что шансы на благополучный исход разговора свелись к нулю.

– Что делать? – неуверенно поинтересовался Семен.

– Вопрос извечный для России, – начал философствовать Григорий, но тут же оборвал себя. – Будем ждать.

Был уже конец дня, когда оба провинившихся предстали перед усталым взглядом генерала.

– Вот уж от вас не ожидал! Курите в служебном помещении. А в ответ на справедливые замечания коменданта упражняетесь в остроумии!

– Никак нет, – начал уверенно Григорий. – С курением в кабинете покончили. Что же касается коменданта, – вдруг воодушевился он, – то мы были рады воочию увидеть человека, которого знали только по его подписи на распоряжении, вывешенном в кабине лифта.

Пафос искренности в речи Григория был столь убедительным, что он сам поверил в свои слова.

Чего нельзя было сказать о хозяине кабинета. Он слушал Григория и молча шурился, глядя в его сторону. Временами он обращался к лежавшему перед ним рапорту коменданта, знакомился с какой-то его частью, на секунду задумывался, после чего возвращал его на место.

От внимания Григория не ускользнул момент, когда шеф, прочтя очередной отрывок из докладной, в одном случае открыто улыбнулся, в другом – не без труда сдержал улыбку. Это дало Григорию некоторую надежду на благоприятный исход инцидента.

К счастью, он оказался недалек от истины. После небольшой паузы хозяин кабинета произнес:

– Молодость дается человеку один раз, и то ненадолго. Но от того, как он ею распорядится, зависит многое. Ваша молодость пришлась на войну, которая не прощает легкомысленных поступков. Вам присвоили воинские звания, которые обязывают вас относиться подобающим образом к старшим не только по чину, но и по возрасту. Надеюсь, вы поняли, о чем идет речь?

– Так точно!

Согласиться было куда легче, нежели отстаивать свою сомнительную правоту.

Генерал встал и, кивнув подчиненным на прощание, усталое побрел в комнату отдыха, где его ожидали диван, подушка и причудливых узоров теплое байковое одеяло.

Обратный путь, пролежавший через сложную систему переходов и бесконечных коридоров, занял заметно больше времени, чем предполагалось. К лифту Семен и Григорий подошли молча. Каждый думал о своем.

* * *

С началом 1942 года Центр начал активно налаживать связь с партизанскими отрядами, действовавшими в тылу у немцев. Григорий и Семен уже дважды летали в немецкий тыл и доставляли по воздуху партизанам в лесную глушь, как они называли, «офицерский набор»: несколько ящиков с автоматами и боеприпасами, а также радиостанцию для связи с Большой землей. Но это для дела. А для души – несколько упаковок с банками сгущенного молока и брикетами прессованной пшенной каши, замешанной на каком-то очень вкусном жире. Стоило бросить малоаппетитный на вид брусок в котелок с кипящей водой, как по всему лесу распространялся дурманящий запах готовящейся домашней пищи, зовущий всех, уловивших его, к столу, которым вполне мог служить простой пенёк.

Во время «командировки» в тыл Григорий объяснял «лесным солдатам», что их задача состоит не в том, чтобы выжить самим, а в том, чтобы не дать выжить оккупанту: необходимо

выходить из глуши, хозяйничать на дорогах, занимать поселки и города. Населению надо ежедневно показывать, что хозяева этой земли мы, а не они, незваные гости.

Нельзя сказать, что при этих словах Григорий всегда видел восторг в глазах слушающих. Среди них были не только местные жители, но и военнослужащие, бежавшие из транспортов и колонн военнопленных. Они еще оставались под тяжелым впечатлением от пережитого. Их рассказы были наилучшим отрезвляющим средством для тех, кто, начитавшись немецких листовок, хоть на секунду мог поверить в то, что всякому, перешедшему на сторону немцев, будут гарантированы «жизнь, хорошее питание, доброе отношение и немедленное возвращение домой после скорой победы немецкого оружия».

* * *

Лифт щелкнул замком, заявив о своем прибытии. В отличие от коридоров, кабина внутри была ярко освещена, отчего настенные панели из красного дерева самодовольно светились.

Молодые люди, всё ещё шокированные столь интеллигентным обхождением с ними высокого начальства, осторожно втиснулись в лифт, нажатием кнопки запустили подъемный механизм, огляделись и оторопели. На уровне глаз с правой стенки кабины на них взирала размашистая подпись полковника Бричкина.

– Не знаю, Гриша, удастся ли нам уйти от сумы и от тюрьмы, но уверен, что от полковника Бричкина мы уж точно никуда не денемся, – мрачно заключил Семен.

* * *

– Я готов! – Северов прошелся перед столом, на котором были разложены пачки фотокопий.

Григорий сел и приготовился слушать.

– Буду краток. Изучая материалы, добытые нашей боевой группой, я пришел к нескольким выводам:

– Причиной провала и гибели нашего товарища стало предательство со стороны одного из двух людей, рекомендованных ему Центром.

– В немецких документах предатель проходит под псевдонимом «Лукавый». Легенда, изложенная разведчиком на следствии, не выдержала проверки, устроенной немцами, и его расстреляли. Кстати, вел себя наш коллега во время следствия и казни в высшей степени достойно. В отчете немецкий следователь написал: «Принятие смерти вместо раскаяния и согласия на сотрудничество – типично русский синдром».

Северов замолчал.

– А теперь перейдем к самим документам.

Григорий упреждающе поднял руку:

– Не будем тратить время. Я согласен с твоими выводами. У меня для тебя есть важная информация. На этой неделе заканчиваем подготовку, в среду встреча с руководством, а в ночь с субботы на воскресенье – операция.

– Прекрасно. А то у меня ощущение, что я скоро плесенью покроюсь.

– Чтобы этого не произошло, займемся делом. Сегодня самое время подвести итог твоим усердию и старанию.

– Это, по-моему, одно и то же.

Григорий не умел соглашаться, но против очевидного возражать не стал, а развернул тетрадь учета занятий.

– Итак, начнем с наружного наблюдения. Филеры – как их раньше называли, которые за тобой работали, – тончайшие психологи. Если ты попадаешь в их поле зрения, они тут же

присваивают тебе псевдоним, который не только достаточно точно определяет внешность, но и твою сущность. Немецкие филеры делают то же самое, только на немецком языке. Посмотрим, что произошло у нас. Вот три разведчика работали за тобой и, не сговариваясь, дали тебе три псевдонима.

– Интересно! – Северов даже привстал со стула.

– Пожалуйста: «Аспирант», «Холостяк», «Интеллигент». Вот так ты выглядишь со стороны.

Северов неопределенно пожал плечами.

– А вот оценки твоего усердия за период учебы в Центре: физическая подготовка – 5, стрельба – 5, конспирация – 5, работа «на ключе» – 4. Радисты отмечают: мог бы работать на «пять», но не щадишь рабочей руки, упражняешься на турнике, что губительно сказывается на эластичности кисти.

Оценки Северов выслушал, уныло уставившись в пол.

– Что загрузил? Не доволен оценками?

– Дело в том, что в немецкой школе, которую я окончил, оценки отсчитывались наоборот.

– Как же?

– Единица – высший бал, пятерка – очень плохо, а шестерка, – по-нашему, кол. И я подумал, насколько все в жизни условно.

Григорий внимательно посмотрел на собеседника.

– Скажи, ты в юности стихов не писал?

– Нет, у меня были другие недостатки. – Генрих помолчал, а затем резко сменил тему: – Если результат учебы в целом положительный, то хотя бы один выходной день за весь период подготовки мне положен?

– Естественно.

– Тогда я мечтал бы напоследок провести его в светском обществе и, конечно, в светской обстановке. Выехал бы в город, скажем, с нашей хозяйкой Верочкой, посетил бы какие-нибудь еще функционирующие культурные заведения.

– Здоровое желание, полностью поддерживаю.

Григорий, несомненно, рассчитывал на более сложный запрос, а потому с легкой просьбой поспешно согласился.

Глава вторая

Даже неискушенному в делах мирских человеку было ясно, что природа эту войну не одобряет. Суровая зима начала сорок второго года честно поработала на Россию. Подойдя вплотную к Москве в конце 1941 года, немецкие войска вляпались в лютую зиму с холодами, которых Россия не знала уже много лет. Не дотянув совсем немного до теплых московских квартир, немцы застряли в суровом морозном Подмоскowie. Все, что двигалось, застыло, включая людей.

Северову повезло: крытый грузовик, доставлявший хлеб из пекарни прямо на передовую, на обратном пути в Москву среагировал на его вытянутую руку. Генрих легко поднялся в кабину.

Водитель, мужчина преклонного возраста, с седой головой и тяжелыми натруженными руками, лежавшими на руле, попытался взглядом оценить пассажира. Не найдя в нем ничего примечательного, попробовал включить первую скорость. Раздался возмущенный рокот всех находившихся в коробке скоростей шестеренок, после чего машина дважды нервно дернулась.

По мере приближения к Москве появились люди, двигавшиеся вдоль шоссе. Когда въехали в город, шофер взглянул на пассажира: молодой человек не в военной форме вызывал в те времена у всех целую гамму чувств – от подозрения до презрения.

– Что, по броне живешь? – глядя на дорогу, как бы невзначай поинтересовался водитель.

– Да нет, медкомиссию проходить еду. В авиацию забирают.

– Это хорошо. Может, Москву прикроешь с воздуха, а то летают над городом ночью, швыряют бомбы куда попало. Вот вчера прямо на шоссе две сбросили. Сегодня, правда, воронки уже засыпали песком. Но кому это надо?

Причинно-следственная связь недовольства водителя осталась для Северова неясной. Его возмущала неточность бомбометания немцев, как будто обратное его могло устроить больше. Пока Генрих выстраивал логическую цепочку мышления пожилого человека, они миновали конечную остановку трамвая. Водитель поймал его взгляд и решил поведать будущему защитнику неба столицы свои соображения.

– Подвезу тебя поближе к центру, а оттуда переулками прямо на хлебозавод проеду, – объяснил он почему-то извиняющимся тоном свою добрую услугу. В конце второго квартала машина так резко затормозила, что, не упрись Северов обеими ногами в пол, наверняка вышиб бы головой лобовое стекло. Впереди на дороге зияла глубокая яма от разорвавшейся бомбы. Около нее стояли подростки и внимательно рассматривали дно воронки, быстро наполнявшейся водой. Больше ничего там разглядеть было нельзя, и тем не менее каждый прохожий считал своим долгом посмотреть в разверзшееся чрево. Никакого ограждения не было. Вместо него – две доски, вбитые в землю.

– Черт знает, что творят, – возмущался какой-то приезжий, скорее всего из подмосковной деревни.

– Позавчера в Москву-реку две штуки зашвырнули!

– Видать, спьяну, не по делу бросают, – не уставал возмущаться приезжий.

То, что все беды от водки, русский человек точно знал всегда, а потому и отказываться от нее был не намерен.

– Слава Богу, что так, – непонятно за кого вступился подошедший мужик. – Ведь если бы в дом, сколько народу покалечило бы!

– Это верно, но реку-то что бомбить? Вода – она и есть вода.

Скоро появился военно-милицейский патруль, который стал направлять редко проезжавшие машины на соседнюю улицу. Северов прошел к конечной остановке, где стояли два сцепленных вместе трамвайных вагона.

* * *

В небольшом сквере напротив Большого театра Веры не оказалось. Генрих сел на скамейку и стал разглядывать величественный фасад, с которого сняли знаменитую квадригу. Фронтон был закамуфлирован искусными маскировщиками под безликое служебное здание. Северов удивился, до какой степени отсутствие лошадей на фронте меняло привычный облик здания. Он попытался представить, как всё это выглядит с воздуха, однако ни фантазии, ни времени не хватило.

– А вот и я! – кокетливо объявила представшая перед ним Вера.

Северов знал, что женщина на службе должна отличаться от женщины в светской обстановке, но не до такой же степени!

Перед ним стояла восхитительная дама в элегантном черно-белом платье с очень модными в те военные времена широкими и высокими плечами, на которых могли удобно разместиться погоны самого высокого офицерского звания. Черные замшевые туфли на могучем высоком каблуке давали обладательнице взирать на окружающих с достаточной высоты. Подойдя ближе, Генрих убедился, что за сутки он успел потерять значительную часть преимущества в росте.

Афишная доска Большого театра с указанием даваемых спектаклей была пуста и смотрелась сиротливо. Однако Северову и тут повезло. Когда он приблизился к входу, дверь слегка приоткрылась и в проеме показалась немолодая женщина с ведром, судя по всему уборщица.

– Скажите, дневной спектакль сегодня состоится? – поинтересовался он.

– Светопреставление начнется, когда немцы Москву бомбить прилетят, – поначалу резко огрызнулась она, но тут же смиростивилась. – Базировались артисты все, представлять некому.

Букву «э» она, видимо, умышленно опустила, дабы не осложнять себе и без того непростую жизнь.

Вера взяла Северова под руку и отвела в сторону, охраняя его от возможно неприятного поворота беседы. Они не спеша миновали служебный вход Большого театра, возле которого в мирное время толпились поклонники балетных и оперных кумиров. Теперь двери были тоскливо наглухо заперты, и никто из прохожих не только не задерживался, но даже не замедлял шага, проходя мимо них.

А вот вход в находящийся неподалеку ресторан «Савой» словно осиный рой облепила густая толпа страждущих совершить трапезу.

– Если не зрелищ, то хотя бы хлеба, – весело перефразировал Северов философское умозаключение времен Римской империи.

Меткое замечание вряд ли могло помочь. Оказаться за ресторанным столиком, минуя толпу, да еще с дамой, представлялось почти нереальным. Он поднял взгляд к небу поверх здания, и оно вняло его мольбе, хотя и весьма своеобразно.

Дружно, как по взмаху дирижерской палочки, завывли сирены, установленные на крышах домов, и люди, словно обитатели муравейника, беспорядочно засуетились. Толпа у входа в ресторан поначалу заметно поредела. Диктор безупречно поставленным голосом несколько раз повторил: «Граждане! Воздушная тревога!»

Несколько человек, с большим трудом добравшихся до заветной двери и уже ощущавших во рту вкус ресторанной пищи, не покидали с трудом завоеванных позиций, даже когда за стеклянной дверью появилась вывеска «Закрыто». Но в конце концов сдались и они.

Улицы скоро опустели. Лишь несколько машин Московской военной комендатуры продолжали, как обычно, спокойно патрулировать по городу, словно у них с немецкими летчиками был заключен тайный пакт о ненападении.

Северов увлек Веру в подворотню дома на противоположной стороне улицы, а голос диктора Левитана продолжал твердить о надвигающейся с воздуха опасности.

Зенитные орудия, установленные где-то вблизи, открыли отчаянную стрельбу. Головки снарядов, достигнув заданной высоты и разорвавшись на мелкие части, возвращались на землю в виде дождя из рваных свинцовых кусков, отбивавших холодную дробь на железных крышах домов.

В какой-то момент стрельба прекратилась. Северов вышел из подворотни на улицу. Снизу, с Неглинки, два молоденьких лейтенанта в новенькой форме неспешно поднимались в гору. Они поравнялись как раз в тот момент, когда совсем рядом, за домами, воцарившуюся тишину нарушил медленно приближающийся оглушительный рев авиационных моторов. И в тот же момент из-за здания Центрального универмага, словно ящерица, медленно сползающая с крыши домов, в небе появилось громадное воздушное чудовище. Распластав на всю ширину улицы свои крылья с черными крестами, оно пристально разглядывало все происходящее на земле.

– «Юнкере», сукин сын, фотосъемку делает, – заключил почти беззлобно молодой офицерик.

– Что ж зенитки-то молчат? – проскрипел неведомо откуда подошедший небольшого роста пожилой человек с громадным портфелем, видимо, бухгалтер.

– А что зенитки могут в такой обстановке? – вмешался второй паренек в военной форме. – Вы, папаша, хотите, чтобы эта громада вам на голову рухнула, что ли?

Судя по всему, бухгалтер этого действительно не желал и, уязвленный веским доводом специалиста, предпочел так же внезапно исчезнуть, как и появился.

Трупная птица – черный гриф медленно проплыла в воздухе, неприятно шурша моторами, и скрылась за крышами ближайших домов.

Вера посмотрела на Северова. Тот стоял, прислонившись спиной к углу дома, скрестив руки на груди. Похоже, его волновали не столько события в воздухе, сколько происходящее на земле. Внимание его было целиком приковано к входу в ресторан напротив.

Как только в динамиках послышался тот же уверенный голос диктора, на сей раз возвестивший отбой воздушной тревоги, Генрих взял Веру за руку и, уверенно перейдя с нею через улицу, подвел к заветной двери. В ту же минуту за стеклом мелькнула фигура швейцара, слегка приоткрывшего дверь.

– От товарища Карпова, – негромко, но твердо произнес Северов, втиснув в руку швейцара почти неуловимым для постороннего взгляда движением две туго свернутые банкноты.

– Премного благодарен, кланяйтесь нашему кормильцу.

– Непременно, – пообещал Генрих, пропуская спутницу вперед.

К великому изумлению Северова и Веры, чувствовавших себя при входе почти первооткрывателями, на деле они оказались чуть ли не последними гостями, приглашенными мифическим «товарищем Карповым».

Официант, молодой высокий парень, прихрамывавший сразу на обе ноги, подвел вошедшую пару к единственному свободному столику.

– Как будете обслуживаться? – поинтересовался он. – По меню или по заказу?

– А что лучше?

– Дороже по заказу, – прозвучал однозначный ответ.

– Тогда на этом и остановимся.

– Если не тайна, а кто такой всесильный Карпов? – осторожно поинтересовалась Вера.

– Мог вполне быть Сомов, Судаков или даже Селедкин, – рассмеялся Северов. – Дело не в фамилии.

Подошедший в этот момент официант весьма ловко и быстро накрыл на стол, подчеркнуто отдавая предпочтение не пище, а эстетической стороне процесса.

Меню ужина было, несомненно, истинным гимном в честь великого француза Луи Пастера, предложившего человечеству способ заменить свежие, живые продукты консервированными. Выложенные на роскошном блюде, расписанном блекло-голубыми цветами с золотыми прожилками, шпроты, извлеченные из плоской консервной банки, золотились масляной кожей и выглядели экзотично. А американская колбаса из пирамидальной жестянки, воздвигнутая на узорчатой фарфоровой подставке, смотрелась архитектурно-величественно. Два графина – один с жидкостью едко-красного цвета, другой – с не менее едко-зеленоватой. И, наконец, два фужера толстого хрусталя завершали композицию.

Северов ловко уложил по две рыбки на тарелки.

– Что вы, я не голодна! – неожиданно запротестовала Вера и тут же упрекнула себя за примитивную неискренность.

Генрих умело обошел молчанием неловкость, допущенную его спутницей, и наполнил оба фужера пурпурной жидкостью.

– Я плохо произношу тосты и поэтому... – начал он.

– Желаю вам благополучного возвращения, все остальное не имеет никакого значения, – перебила его Вера.

Она подняла фужер и мелкими глотками выпила все до дна. Северов позволил себе не отстать от дамы, а чуть позже пришел к выводу, что содержимое обоих графинов различалось лишь по цвету, что несколько не огорчало гостей.

Неожиданно на небольшом возвышении появились музыканты, а также певец с бархатым голосом и в отлично сидящем, хорошо отглаженном костюме. Выступление началось со ставшей уже тогда популярной «Катюши». За ней последовал гимн английских летчиков, которые вопреки драматизму ситуации сумели добраться «до Англии родной»: «Бак пробит, хвост горит, но машина летит на честном слове и на одном крыле».

Бравурная музыка хорошо накладывалась на хмельное настроение. И вскоре вся масса людей, поднявшись из-за столиков, пришла в ритмичное движение. Дамы в платьях и костюмах с поднятыми к небесам ватными плечами потянули своих мрачных кавалеров из темных углов к освещенной эстраде. Те же не то чтобы упирались, но покидали уютные места за столиками совершенно очевидно лишь в угоду слабому полу.

– Разрешите вашу даму пригласить на танец? – мужчина с небольшим животом и громадной лысиной, учтиво склонив голову, пьяно улыбался.

– А вы хорошо танцуете? – серьезно поинтересовался Северов.

– Я? – вопрос оказался столь неожиданным, что незнакомец опустил на стул, стоящий против Северова. – А почему, собственно, вас интересует, как я танцую? Я приглашаю не вас, а вашу спутницу, и делаю это весьма интеллигентно. Вы же, напротив, в ответ на это просто хамите! И я не позволю...

Он запнулся, пристально посмотрел на Генриха, затем бросил взгляд через его плечо, и тут его лицо стало медленно деформироваться. Глаза выкатились из орбит так далеко, что, казалось, были готовы покинуть их навсегда. А дальше – еще хуже: незнакомец вдруг нырнул резко вправо и скрылся под столом. Затем голова его вынырнула из укрытия и через мгновение вновь исчезла, на сей раз под левой частью стола. Трюк был продлан несколько раз, и при каждом повторе глаза незнакомца все более округлялись и становились все безумнее и безумнее.

Северов взглянул на Веру.

– Бедняга, как же его война скрутила! – сочувственно произнесла она.

Генрих тоже собрался исполниться состраданием, как в этот момент над столом вновь появилась голова, а с нею и кисть правой руки странного незнакомца, выразительно указывавшая на нечто, происходившее у Северова за спиной.

Он повернул голову, и вовремя. Картина, представшая перед ним, была не только красочной, но и трагичной.

Боевой офицер, в полевой форме и со знаками отличия капитана, а также двумя боевыми орденами, заняв отдельный столик в углу ресторана и опустошив полтора графина зелья, казалось, вновь почувствовал себя на передовой. Капитан достал немецкий парабеллум, протер его с любовью салфеткой, прищурил левый глаз и решил, что разглядывать штатское окружение лучше всего через прицел пистолета.

Наиболее слабонервные граждане предпочли тут же переместиться за столики подальше, чтобы укрыться от прямой наводки необычного посетителя. Он же после недолгих сомнений избрал основным объектом своего внимания мужчину, бесцеремонно усевшегося за стол напротив Северова и его дамы. Целясь ему в голову, капитан перемещал ствол пистолета вслед за целью, иногда он задерживался по касательной на затылке Северова, который вызывал у него ничуть не меньшее раздражение, нежели прыгающая голова. Генрих поднялся и не спеша двинулся в сторону возмутителя спокойствия.

– Стой! Стрелять буду! – истерично закричал капитан. Северов отреагировал неожиданно. На лице его появилась снисходительно-добрая улыбка. Музыка вдруг стихла и в зале воцарилась напряженная тишина. Капитан положил указательный палец на курок и одновременно прищурил левый глаз, хотя необходимости в этом уж не было.

Расстояние между ними сократилось до того минимума, когда промахнуться для стрелявшего становилось много сложнее, нежели поразить цель.

В последнюю секунду он выбросил руку вверх и выстрелил, зеркальный потолок дрогнул, и от образовавшейся в нем дыры в разные стороны густой паутиной разбежались трещины. А из самого пулевого отверстия на голову стрелявшего опустилось облако извести, придав его лицу мертвенный оттенок мумии.

– С фронта, что ли? – поинтересовался капитан как ни в чем ни бывало, заботливо укладывая на стол парабеллум.

– Как ты догадался? Из госпиталя, – Северов опустил на свободный стул рядом.

– Прямо на пулю может идти только фронтовик.

Генрих покачал головой, по достоинству оценив трезвую мысль пьяного собеседника. Поглаживая правой рукой пистолет и ловко орудуя левой, капитан наполнил две рюмки.

– Хорошо, что ты пришел. А то я тут один с этими серыми тыловыми крысами. Ни выпить, ни закусить, – Он вылил в себя содержимое рюмки, после чего его тело вздрогнуло, а лицо сложилось в мученическую гримасу.

– Послушай, капитан, зачем тебе эта гадость? Ты ведь человек непьющий.

– Я? – удивился тот. Потом подумал немного и сменил тему. – До полудня завтрашнего дня у меня отпуск, понимаешь? После двенадцати – опять землянка, окопы и идущие на тебя немецкие танки. У меня с ними игра такая: они в Москву хотят, а я их не пускаю. Правда, у них броня, а у меня кожа! Вот, гляди, человеческая! – в подтверждение он ущипнул себя за кисть руки, отчего та конвульсивно дернулась, и две хрустальные рюмки с грохотом рухнули на пол.

В этот момент дверь распахнулась, и в ресторан стремительно вошел генерал, сопровождаемый тремя автоматчиками. Капитан машинально схватил пистолет.

– Встать! Оружие на стол! – оглушительно скомандовал генерал.

Армейский устав сработал безукоризненно: капитан поднялся и послушно положил на стол пистолет.

– Взять обоих! В комендатуре разберемся.

– Военный комендант Москвы Синилов! – заворковали негромко, но с уважением штатские за столиками.

Автоматчики встали за спины задержанных, подталкивая их к выходу. Публика, слегка отошедшая от шока, заплодировала бравому генералу, блюстителю порядка в прифронтовом городе Москве.

Проходя мимо Верочки, Северов склонился к ее уху.

– Передайте Григорию Федоровичу, что я пострадал за правое дело, и не расстраивайтесь. Вечер мы обязательно повторим, и без стрельбы. Это я вам обещаю.

Автоматчик подтолкнул Северова в спину, и они исчезли за дверью.

* * *

В комнате, отведенной для прощтрафившихся военных, стояли две железные кровати с матрасами и без подушек. В углу – раковина с постоянно капающей из крана водой, оставлявшей грязно-ржавый след.

Капитан принял дисциплинарный изолятор за гостиничный номер, а потому, бряцая орденами, снял гимнастерку и аккуратно повесил ее на железную спинку кровати. Затем так же по-деловому подошел к умывальнику, заложил поглубже два пальца в рот, и все съеденное и выпитое им в тот вечер обрело долгожданную свободу. Организм капитана с величайшей благодарностью отнесся к решительным шагам хозяина. Капитан на глазах трезвел.

– Скажи, пожалуйста, как это нас угораздило попасть в каталажку?

– Мы решили попугать гражданских лиц и пострелять немного в ресторане.

– Глупая история с любым приключиться может.

– Может, но не со всяким происходит.

Капитан пристально посмотрел на Северова.

– Не знаю, как ты, но я этих тыловигов...

– Успокойся, капитан, фронта без тыла не бывает. Подумай лучше, как отсюда выбираться будем.

– Элементарно. Тебя, как человека после ранения, отсюда на руках вынесут. Меня как нарушителя городского спокойствия отправят в штрафную. До первой крови. И потом всё сначала.

Дурманящие пары еще не выветрились полностью, а потому и серьезный разговор не складывался. Легко вернулись в прошлое.

– Жили ровно, бедно, порой не очень сытно, но очень счастливо.

– Последнее, пожалуй, важнее всего прочего.

– Думаю, да.

В окне совсем стемнело, когда дверь открылась и вошел высокий молодой лейтенант, поразивший узников помещения идеально подогнанной и отглаженной гимнастеркой, особенно до блеска начищенными хромовыми сапогами, в которых отражался свет лампочки, висевшей за его спиной в коридоре.

– Опустите маскировочную штору, – приказал он четким голосом одному из двух солдат, сопровождавших его. Тот незамедлительно выполнил несложную манипуляцию. – Северов, пойдете со мной, – отчеканил лейтенант.

Капитан поднялся с кровати.

– Что ж, бывай, жаль, что эти, – он кивнул в сторону лейтенанта, – нашу встречу укоротили. Я бы с тобой с удовольствием еще поговорил. Человек ты интересный. Ну, да ладно, может быть, еще и повидаемся, война – такое дело.

– Всё возможно, и удачи тебе.

Северов крепко пожал капитану руку.

Послушно следуя за лейтенантом по коридору и точно дублируя вслед за ним все многочисленные повороты, Генрих ощутил гадкое чувство, близкое к ощущению совершенного предательства. Его сейчас отвезут в домик на окраине Москвы, напоят, накормят, спать уложат. А капитана будут долго терзать допросами, после чего снимут офицерские погоны, отберут форму, оденут во все солдатское и отправят в штрафную роту.

Лейтенант предложил Северову подождать в приемной, затем легким движением обеих рук одернул гимнастерку, пробежал пальцами по поясу и портупее, после чего решительно вошел в кабинет, не прикрывая за собою плотно дверь.

Генриху пришлось невольно выслушать историю инцидента, происшедшего накануне, теперь уже из посторонних уст.

Войдя в кабинет коменданта, Северов был поражен, увидев там Григория, вальяжно развалившегося на стуле перед генеральским столом. Глазами и уголками рта он улыбался, сохраняя при этом суровую маску на лице.

Сидевший за столом генерал почему-то делал вид, что не имеет ни малейшего отношения ко всему происходившему в его кабинете помимо его воли. Достав из стола бутылку водки, он вылил часть содержимого в подставленную ладонь левой руки, после чего совершил обряд омовения ладоней обеих рук. По кабинету пополз запах испаряющегося спирта.

– Фронтальная привычка, – объявил генерал для тех, у кого еще могли оставаться сомнения в его боевом прошлом, и тут же добавил, обращаясь к Григорию: – Будем считать инцидент исчерпанным. Забирайте вашего человека. Вы свободны.

Григорий нахмурился.

– Было бы лучше считать, что инцидента не было, а был лишь досадный случай.

«Интересно, какое у него звание? – подумал генерал, глядя на Григория. – Эти молодчики из госбезопасности имеют слабое представление о чинопочитании, а потому ведут себя хоть и в рамках приличия, но нагло. И все же лучше с ними не связываться. Нечего от них ждать кроме неприятностей».

Генерал развел руками, давая понять, что сделал всё от него зависящее и вряд ли сможет сделать нечто большее. У молчавшего до этого момента задержанного неожиданно прорезался голос.

– Извините, товарищ генерал, хотел просить вас освободить капитана, участвовавшего в этом недоразумении вместе со мной. Человек он в высшей мере заслуженный, боевой офицер, нервы его подвели.

– Нервы? – взревел генерал. – Стрелять в общественном месте – это нервы? Это не нервы, а моральное разложение! И капитан будет отвечать по всей строгости военного времени.

Северов хотел было что-то возразить, но в это время зазвонил телефон. Комендант взял трубку, но к уху близко ее подносить не стал, поскольку она источала сплошной треск, через который вдруг пробился срывающийся голос связиста:

– Не кладите трубку, будете говорить с комдивом.

– Комендант города генерал Синилов слушает, – доложил, все еще не прикладывая трубку к уху, хозяин кабинета.

– Генерал Загвоздин, здравствуй, комендант. Звоню тебе с передовой. Мне вот ночью доложили, что ты арестовал моего командира истребительного батальона танков, капитана Дубровского. В чем дело?

– Напился твой капитан и стрельбу открыл в ресторане. Всех штатских до смерти перепугал, зеркальный потолок обрушил.

– Странно, капитан – офицер непьющий. Кого-нибудь из живых задел?

– Еще этого мне не хватало! Думаю, плохо у тебя с дисциплиной, генерал! Подчиненные не очень к твоим указаниям прислушиваются.

– Это ты прав. Я вот тому же капитану твержу: чего ты под танк немецкий лезешь, отходи потихоньку, оборону организуем на новом рубеже. А он свое: «Наотступались до полного позора. За Россию обидно».

– И что ты прикажешь мне с твоим анархистом делать?

– Оформи взыскание и верни ко мне в часть. Тут событие намечается. Как только отобьемся от немецких танков, и если он живой останется, то мы его прямо с поля боя на гауптвахту отвезем. Ну а если... То будем считать, что правосудие свершилось.

– Я лично считаю, что твоего комбата за его проделки в штрафную роту направить следует.

– Дубровского в штрафную? Послушай, потрудись, подъезжай ко мне на полчасочка. В Волоколамске тебя мои ребята встретят. А оттуда до меня рукой подать. По сравнению с тем, что ты здесь увидишь, любая штрафная – это курорт с морской водичкой, причем подогретой.

– Ты что ж, генерал, меня немцами пугать решил, что ли?

– Боже упаси! Я тебе обстановку докладываю и хочу, чтобы ты по поводу расстрелянного зеркала не сокрушался. Вот придем в Германию, я тебе сразу три штуки закажу, так, чтобы посетители ресторана на себя сразу с трех сторон взглянуть смогли. Может быть, удивятся. А сейчас прости, докладывают, что танки противника на позицию выходят. Пойду встречать.

Некоторое время комендант, застыв, держал умолкнувшую трубку в руках.

– У меня машина, так что давайте мы капитана поближе к передовой подбросим. Нам все равно в том направлении ехать. – Григорий произнес это с такой уверенностью, как будто судьба капитана была уже решена, и оставалось лишь организовать его транспортировку.

Комендант задумался. Освобождение капитана из-под стражи стоило того, чтобы избавиться от этих непонятных людей. Он решительно нажал кнопку вызова. Тут же явился помощник в форме майора.

– Дайте мне документы задержанного капитана.

Опытный помощник обязан предвидеть намерения начальника. Никуда не отлучаясь, майор послушно положил изрядно помятое отпускное удостоверение на генеральский стол. Генерал придвинул его к себе и, не вникая в его содержание, изложил поверх напечатанного на машинке текста рукописно свое отношение к поведению капитана накануне в московском ресторане: «Десять суток строгого ареста за стрельбу из боевого оружия в общественном месте с нанесением материального ущерба внутренней отделке помещения». Подпись: «Военный комендант города Москвы генерал-лейтенант Синилов».

Описание проступка капитана заняло половину страницы, второй же половины едва хватило на подпись генерала, столь размашистой она была.

Северов разглядывал ее, стоя недалеко от стола. Даже в перевернутом виде она производила впечатление своей масштабностью. Когда-то он прочел, что размер подписи обратно пропорционален интеллекту ее владельца. Но в данном случае было очевидно, что речь идет об исключении.

Посчитав вопрос решенным и не желая отягощать коменданта своим присутствием, Григорий поднялся и пожал генеральскую руку. Провинившийся Северов позволил себе лишь кивнуть на прощание.

Когда вышли из кабинета, Григорий глянул на часы и заторопился.

– Я срочно поехал в управление. А ты забирай своего напарника, довези его до шоссе, дальше он доберется на попутках.

* * *

С капитаном встретились в палисаднике перед зданием комендатуры. Внешний вид его совершенно не соответствовал ожиданиям Северова – тот был свежевыбрит, тщательно умыт, а выцветшая под жесткими лучами солнца гимнастерка при дневном свете приобрела песчаный оттенок, на фоне которого сияющие боевые ордена выглядели весьма эффектно.

По двору двигались молча. Капитан в роли главного виновника происшедшего шел позади. Выйдя на улицу, натолкнувшись на солидную толпу зевак.

Толпа – это самое демократичное, хотя и самое неустойчивое объединение людей. Собравшиеся безмолвствовали, задрав головы высоко вверх. На гранитной облицовке ограды старинного здания, сантиметров на сорок выше официальной вывески «Военный комендант города Москвы» красовались две строчки, исполненные ярко-белым мелом и пропитанные отчаянием и решимостью мести за проявленную в отношении кого-то очевидную несправедливость. Если первая строка, взятая из призывов, широко распространенных по всей стране, не вызвала сомнений, то вторая казалась некоторым небезупречной по содержанию: «Бей немецких оккупантов и хреновых комендантов!».

Прохожие останавливались, чтобы прочесть настенную надпись. Одни покачивали головами, другие удивленно поднимали плечи, но все в итоге застывало на месте в ожидании дальнейших событий. И не напрасно.

Собравшиеся не успели осмыслить до конца изображенный мелом на стене призыв, как из ворот выбежали трое военных: майор с красной повязкой дежурного на руке и два солдата. Один из них нес ведро с водой и тряпку, другой, едва переставлял ноги, согнувшись под тяжестью старинной деревянной библиотечной лестницы, по которой в мирное время прилежные ученые добивались до вершин знаний.

Теперь же ее установили под крамольной надписью, и солдат в тяжелых кирзовых сапогах, балансируя с ведром и тряпкой, осторожно поднялся наверх. Затем он не спеша окунул тряпку в ведро с водой и с третьей попытки смыл дочиста нижнюю, сомнительную строчку, оставив верхнюю, вполне патриотичную, нетронутую.

Толпа ровным гулом одобрила мудрое решение солдата.

Звание майора дает основание мыслить иначе, чем толпа, а тем более подчиненные ему рядовые. Человек с красной повязкой на руке приказал солдату смыть и ставшую давно привычной для всех часть надписи, дабы не возбуждать у прохожих, успевших ознакомиться с полным текстом, ненужной ассоциации.

Приказание было выполнено. Крамольная строка исчезла, а вслед за ней и интрига, удерживавшая толпу у ворот.

* * *

Пока машина петляла по улочкам города, сидели молча. Как только выехали на шоссе, капитан осторожно положил руку на плечо шофера.

– Притормози, друг, на секундочку, я гляну. Не попутчики ли это мои?

Справа от шоссе, скрываясь от палящего солнца, под разлапистыми ветвями дерева приютился грузовик, в тени которого небольшая группа совсем юных выпускников училища вкушала дневную трапезу.

– Дубровский! Откуда и куда? Говорили, будто ты в госпиталь угодил, – старший лейтенант выпрыгнул из кабины грузовика и легко взбежал по насыпи.

Завидев щедро украшенного орденами военного, молодые внизу перестали жевать и поднялись с земли, стоя приветствуя боевого офицера.

– Не верь слухам! – твердо возразил капитан, – из отпуска возвращаюсь. Слава Богу, тебя встретил, вместе поедem, вот только с товарищем попрощаюсь. Кстати, познакомься.

Старший лейтенант небрежно кивнул в сторону штатского, явно проигрывавшего по всем параметрам своему боевому спутнику.

– Прежде, чем расстаться, хотел бы сказать тебе пару слов, – неуверенно начал капитан, глядя почему-то в сторону.

– Слушаю тебя.

– Оказалось, что даже в таком гадюшнике, как комендатура, есть вполне приличные люди. Парень, который выдавал мне документы, рассказал, что ты в одиночку освобождаешься

наотрез отказался. «Мы были вдвоем, один стрелял, другой не остановил, поэтому виновны оба». Знаешь, как это называется? Благородство. Чего в России всегда в избытке было.

Северов поморщился и недовольно покачал головой.

– Ну ладно, – заспешил капитан. – У войны одно серьезное преимущество: она способна сочетать не сочетаемое. Так что, может быть, наши жизни еще где-то пересекутся.

– Скажи на прощание, откуда у тебя такая благозвучная фамилия – Дубровский? – поинтересовался Северов, пожимая руку собрату по несчастью.

– Это длинная история, – оживился капитан. – Обещаю рассказать подробнее при нашей следующей встрече. А сейчас...

Он развел руками, затем повернулся и уверенно зашагал под откос к ожидавшим его солдатам.

* * *

Генерал – он тоже человек, только одетый в добротную форму. Кроме того, позади у него – прожитые годы и серьезные поступки, которые он совершал, но о которых предпочитает молчать.

Когда Северов вместе с Григорием вошли в кабинет, генерал поднялся из-за стола и почему-то улыбаясь пожал им руки.

– Григорий Федорович посвятил меня в историю, связанную с вашим ночным пребыванием в комендатуре. Как там, в неволе?

– Весьма полезный опыт.

– Для чего?

– Для того, чтобы туда больше не попадать.

Генерал по достоинству оценил неожиданный поворот в беседе. Он совершенно не по-генеральски, а по-человечески рассмеялся и на какое-то время перестал быть военным. Даже хорошо отглаженная, сшитая из особой ткани военная форма выглядела на нем теперь как дорогой костюм, в меру декорированный яркими орденскими колодками.

После нескольких глотков горячего чая, поданного в граненых стаканах, хозяин кабинета резко сменил тон и заговорил серьезно.

– Время и складывающаяся обстановка заставляют меня быть с вами предельно откровенным.

– Спасибо.

От неожиданной благодарности у генерала подскочили вверх сразу обе брови, но тут же вернулись на свое место.

– Начну с весьма печального признания. Район дислокации немецкой группировки «Север», куда вы направляетесь, превратился с некоторых пор в проклятое место, в кладбище для людей, посылаемых туда нами и нашими военными коллегами. Причем мы теряем не новичков, а людей с солидным опытом нелегальной работы.

– Григорий Федорович ознакомил меня с материалами немецкого следствия по одному из дел, добытые нашей диверсионной группой.

– И какое впечатление?

– Двойное. С одной стороны, – трагическое, с другой, – весьма поучительное.

– Давайте второе.

– Провалы произошли из-за предательства людей, рекомендованных Центром.

– По-вашему выходит, в провалах виноват Центр?

– Виноваты немцы, которые умело используют шок для воздействия как на войска, так и, в особенности, на население.

– Ну а если быть ближе к нашим делам?

Григорий уловил нотку раздражения в голосе начальства, но останавливать подопечного было уже поздно.

– А если ближе, то главный момент заключается в том, что подбирали людей в спешке в условиях стремительного приближения противника, но все же при Советской власти. А действовать им пришлось в условиях жесткой немецкой оккупации, к чему не все оказались готовы. Как говорил один небезызвестный мудрец: «Бытие определяет сознание», а от себя добавим – «и поведение человека тоже». Вот и всё.

Генерал впал в молчаливое размышление, после которого можно было ожидать любого решения. Наконец он поднял голову и внимательно посмотрел на Северова.

– К сожалению, вынужден с вами согласиться. Но не могу обещать вам ничего лучшего. Пока и вам предстоит действовать именно в этих условиях, которые будут меняться в прямой зависимости от положения на фронтах.

– Именно к этому мы и готовились, – решил напомнить о себе Григорий.

– Великолепно. Тогда давайте определимся со сроками.

Григорий знал, что демократичное «давайте определимся» на деле означало: «Я отдам приказ, а вы исполняйте».

Генерал перевернул несколько страниц в календаре.

– Итак, суббота на следующей неделе. К сожалению, я буду отсутствовать, так что, если возникнут проблемы, мой зам. Щербаков на месте. Какие есть вопросы или просьбы ко мне?

Григорий неопределенно пожал плечами.

– У меня есть не то, чтобы просьбы, а два сообщения, – сказал Северов.

– Слушаю вас, – и генерал нетактично посмотрел на часы.

Но это Генриха нисколько не смутило.

– Поскольку средой моего обитания, как вы сами определили, будет кладбище и дело мне придется иметь с мастерами дел гробовых...

– Кладбище – это сказано не очень удачно, – признался генерал и вновь бросил взгляд на настенные часы. – Давайте, пожалуй, закругляться, – указательным пальцем правой руки он обозначил, как это будет выглядеть в пространстве. – Вокруг Пскова сосредоточены значительные силы противника, нацеленные на то, чтобы перерезать железнодорожное сообщение с Ленинградом. В этом случае город и флот останутся без снабжения. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это в свою очередь может достаточно серьезно повлиять на весь ход войны. С другой стороны, противник несет серьезные потери на юге, и мы предполагаем, что значительную часть псковской группировки он в ближайшее время будет вынужден перебросить именно туда, поскольку других резервов у него пока нет. Итак, планирует ли противник продвигаться далее на север или повернет на юг – вопрос жизни миллионов наших людей, как военных, так и гражданских. Вот такова цена задачи, которую вам предстоит решить, причем в крайне непростых условиях.

– Я ознакомился с материалами, добытыми нашей диверсионной группой.

– Ну и как?

– Снимаю шляпу перед профессионалами высочайшего класса!

– Это наша элита! – не сдержал довольной улыбки генерал. Правда, тут же спохватился и вновь глянул на часы. – Итак, последний вопрос: что вам нужно для успеха?

– Свобода и вера.

– Что?

– Вы определяете, что надо сделать и доверяете мне решать на месте, как это осуществлять. И второе, более важное: мне необходимо доверие людей, пославших меня на задание.

По содержанию всё звучало логично, но было необычным по форме, а потому непривычным. Северова не одного готовили для заброски в район Пскова. Однако прекрасное владение немецким языком благодаря матери, английским на уровне гимназии и русским от отца – про-

фессора славистики Дерптского университета в Эстонии давали ему серьезное преимущество перед остальными.

Но окончательно судьбу Северова решили слова, написанные в характеристике его фронтовым командиром: «В бою дерзок, но расчетлив». Этого было вполне достаточно. Генерал взял ручку и решительно написал: «Срочно на подготовку».

Сейчас, спустя несколько месяцев и после только что состоявшегося разговора, ни малейшего разочарования он не испытывал. Разумное сочетание военного с гражданским чем-то приятно напоминало генералу его самого в молодости, отчего становилось тепло на душе.

– Что ж, считайте, что свобода действий и полное доверие в вашем кармане. А сейчас хочу пожелать вам ровной дороги. И помните: победа в нашем деле добывается в основном не силой оружия, а интеллектуальным превосходством над противником. Кажется, оно у вас есть. Важно им правильно распорядиться.

Рукопожатие было финалом встречи. Северов покинул кабинет, а Григорий задержался.

– Что еще? – раздраженно поинтересовался хозяин.

– Хотел просить вашего разрешения сопровождать Северова в самолете.

– Какая необходимость? Опасаешься, что он в последнюю минуту струсит?

Григорий улыбнулся.

– Скорее, наоборот. Однако согласитесь, одна голова – хорошо, две лучше.

– Зависит от голов. Впрочем, – генерал подумал секунду, – если твое присутствие поможет делу, то я согласен.

* * *

Аэродром был погружен в темноту, нарушаемую иногда предательским светом луны, которая, озорно выскочив из-за облаков, старалась высветить то, что тщательно скрывали люди. Прорвавшись в межоблачные разрывы, она едва успевала похулиганить на поверхности земли, как бдительные облака налетали на пучок лунного света и перерезали его своими острыми краями.

Машина медленно двигалась по узкой лесной бетонной дорожке. Неожиданно на пути появился забор из крупной металлической сетки и железные ворота. Как только машина остановилась, к ней подошли трое в темных комбинезонах с автоматами в руках. Из калитки слева от ворот появился офицер.

Григорий отрыл дверь и вышел ему навстречу. Они обменялись несколькими короткими фразами, затем ворота открылись, и машина, въехав на территорию, остановилась тут же, у одноэтажного здания, которому, по замыслу архитектора, рост вверх был противопоказан.

Двухдверный вход внутрь не позволял, чтобы свет ни при каких обстоятельствах не мог выпрыгнуть наружу. В двух небольших комнатах со столами и придвинутыми к ним стульями на стенах висели схемы, сообщающие, как правильно выпрыгивать из самолета и удачно приземляться в намеченной точке.

Позвонил дежурный и доложил: экипаж ожидает у машины.

– Присядем на дорожку, – предложил Григорий, возвращая трубку телефона на место.

Затем последовала обычная, несложная процедура. Едва присев, все встали и направились к выходу.

Солидно потрепанный штабной «газик», поскрипывая рессорами, тормозами и всем, что способно издавать звуки, доставил их на противоположную сторону аэродрома, туда, где кончается бетон и начинается живая природа.

На самом краю, укрывшись высокорослыми деревьями, на темном фоне леса вырисовывался силуэт транспортного двухмоторного самолета.

Экипаж из трех человек, увидев приближающийся «газик», выстроился в шеренгу под крылом. Перед каждым у ног – сложенный парашют. Чуть поодаль – еще два парашюта, ожидающие хозяев.

– Экипаж к выполнению задания готов, – четко доложил вышедшему из машины Григорию командир.

После обоюдного рукопожатия майор предложил надеть парашюты. Затем по приставной алюминиевой лесенке они взобрались внутрь машины.

Самолет коротко разбежался по неосвещенной бетонной дорожке, поспешно взмыл вверх и, набрав нужную высоту, плавно заскользил по невидимой воздушной трассе, нарушая вечный покой неба.

Разговаривать при сильном шуме мотора можно, лишь подключив к голосу зрение. Тогда многие слова угадываются не при помощи слуха, а по движению губ.

– Подлетаем к фронту, – крикнул второй пилот, который сидел теперь не в своем кресле, а на ремне, натянутом в двери, ведущей в кабину пилота.

Он был абсолютно уверен, что вид фронтовой полосы с птичьего полета значительно важнее, нежели тема, которую обсуждали таинственные пассажиры, и поэтому легко прервал их беседу. Затем он отстегнул ремень, на котором сидел, прошел в кабину и приподнял маскировочную шторку на одном из иллюминаторов.

Красочного зрелища, однако, вроде извержения лавы из бушующего вулкана, на земле не представилось. То с одной, то с другой стороны в воздух поднимались осветительные ракеты. В целом же сверху было видно, что после кровавого дня фронт отдыхал, зализывая раны. Разочарованный несостоявшимся показом, парень вернулся на свое место, а пассажиры углубились в молчаливое раздумье, каждый в свое.

– До цели восемь минут, – прокричал штурман со своего места.

– Приготовиться! – крикнул майор через плечо.

Второй пилот поднялся из кресла и занял место возле двери. Григорий крепко стиснул руку Северова.

– Что ж, желаю успеха.

Северов почему-то улыбнулся.

– У меня к тебе одна просьба, Григорий Федорович, осталась: не теряй в меня веру даже при самых крутых поворотах!

С этими словами он повернулся и шагнул в сторону двери. Однако вторую ногу поставить не успел. Взрывная волна отбросила самолет в сторону, затем последовали сильные толчки с разных сторон. По корпусу, словно град по крыше, забарабанили осколки. Григорий дернулся и стал сползать по стенке вниз, не выпуская из поля зрения Северова. Тот, в свою очередь, задрал левую штанину и сидя на полу, старательно пристраивал кусок бинта к кровоточащей ноге.

– Ранен? – прокричал Григорий.

– Чепуха! Сейчас заклею и... – он кивнул на дверь.

Самолет тем временем вышел из зоны обстрела и, слегка подрагивая от тяжелых воспоминаний, плавно заскользил по расстилавшимся под ним облакам.

– Что делать будем? – первый пилот и штурман склонились над Григорием.

– Моторная часть повреждена? Сколько еще продержимся в воздухе?

– Обшивку потрепали здорово, а вот степень повреждения моторной части в полете установить трудно. Потому сказать, сколько провисим в воздухе, не берусь. Может, до конца операции, а может...

– «Может быть» никого не устраивает. Разворачивайте машину. Возвращаемся на базу.

– Меня сбросьте поближе к цели, иначе будут неприятности дома, – вмешался Северов. Он забинтовал ногу и теперь переместился поближе к двери.

– Приказы не обсуждают, а выполняют! – Григорий поднялся на ноги, но не удержался и рухнул вниз лицом.

Громадный пузырь, образовавшийся в одежде на спине, съехал на бок, и вырвавшаяся из него кровь хлынула на пол.

Северов снял парашют, вытащил закрепленный на ноге нож и расплосовал одежду на спине Григория. Паукообразный осколок впился в тело между правой лопаткой и позвонком.

– Вынимать нельзя, он кровь держит! – прокричал на ухо Генриху стоявший рядом на коленях штурман.

– Водка есть?

В мужском коллективе военного времени вопрос почти издевательский. Штурман молча протянул железную фляжку, в которой бултыхалась заветная жидкость. Северов плеснул прямо на рану. Кровь, разжиженная водкой, полилась на пол. Наложённые слоями бинт, вата и опять бинт скрыли от постороннего глаза кровавое месиво. Григорий издал несколько стонущих звуков, но тут же, впад в беспамятство, умолк.

Обратный путь домой всегда короче, а потому и преодолевается быстрее. Фронтальная полоса представилась теперь Северову в виде затухающего потока огненной лавы, кое-где уже застывшей, а где-то еще пышущей жаром. Когда перелетели фронт, пилот вышел из кабины.

– На свою территорию залетели. Дома ведь и падать не страшно, – заявил он с радостью.

– А что, есть такая перспектива? – почти безразлично поинтересовался Северов.

– У летящего всегда есть, – философски ответил пилот. – Человек – не птица, которая тоже, время от времени... на землю... – глагол он опустил. И без того было понятно, что неминуемо происходит с каждым земным существом, рискнувшим однажды подняться над землей.

До войны пилот служил в гражданском флоте и возил людей в отпуск из северных холодных районов страны к теплому южному морю. Если в те времена самолет начинало раскачивать, и некоторые чувствительные пассажиры сразу прятали носы в розданные стюардессой гигиенические пакеты, пилот появлялся в салоне и авторитетно заявлял, что «самолет вошел в зону турбулентности». После чего с достоинством и чувством исполненного долга возвращался на свое место. Большинство пассажиров слова такого не знали, а потому продолжали чувствовать себя отвлеченно. Иногда он обращался к широко распространенной среди коллег шутке. Перед тем как вырваться на взлетную полосу, он выходил в салон и, обращаясь к старшей стюардессе, негромким шепотом спрашивал ее: «Все покойнички на месте?». Бывалая стюардесса отвечала утвердительно. Менее опытная впадала в размышление, которого ей хватало на дорогу туда и обратно.

* * *

Когда самолет, подрулив к зданию аэропорта, заглушил оба мотора, на горизонте появилась узкая полоска зарождающегося рассвета. Тут же подошла машина. Силуэт кузова чем-то напоминал транспорт для перевозки заключенных. И только пристальный взгляд мог обнаружить на бортах медицинские кресты. Врач в белом халате, накинутом на военную форму, и два санитары с носилками тут же поднялись внутрь самолета. Доктор сбросил со спины Григория вату и бинты, пропитанные кровью, обработал края раны раствором и наложил свежую повязку.

– Срочно на носилки и в машину. Лицом вниз. Где второй? Куда ранен?

– В ногу. Вот он перед вами, доктор. – Пилот кивнул в сторону Генриха.

– Чепуха это, царапина, – начал Северов.

– Диагноз буду ставить я, – раздраженно рявкнул врач. – Задирайте штанину, показывайте, что там у вас. – Он сбросил самодельную повязку с уже затянувшейся раны. – Как это вас угораздило схватить такую мелочь?

Северов виновато пожал плечами.

– У вашего коллеги дела посложнее, а я с вами тут ерундой занимаюсь! Берите этот пузырь и смазывайте три раза в день.

Он схватил медицинскую сумку, спрыгнул на землю и заспешил к поджидавшей его машине. Северов собрал вещи и тоже выбрался неспешно наружу.

Терпкий запах хвои, смешанный с ароматом утренней свежести, тут же наполнил легкие и вызвал приятное головокружение. Свет уже наполовину одолел тьму, и Северов сначала услышал, а лишь потом увидел пилота, благодарно похлопывавшего по алюминиевой гриве своего коня, как это делают жокеи после тяжелого забега.

* * *

Далее жизнь потекла до противного однообразно.

Неизвестность порождает неуверенность и отвратительное настроение. Северов перемещался по дому, выходил на улицу, подтягивался по несколько раз на турнике, но вспомнив о том, что теперь его физическая кондиция, возможно, не так уж и важна, возвращался обратно. Постепенно у него созрел план: написать рапорт с просьбой откомандировать его обратно в часть, которая, по его данным, медленно, но уверенно продвигалась на запад. Однако сделать это без разговора с Григорием было бы равносильно удару в спину. И Северов решил дожидаться выздоровления своего шефа, которое, по словам Веры, навещавшей его, было не за горами.

Однако судьба внесла в его планы существенные поправки.

Однажды утром, когда Генрих одолевал свой скромный завтрак, приготовленный заботливыми руками Веры, по его же выражению, «из ничего», в двери, едва постучавшись, возник молодой человек.

– В и часов вам следует быть у замначальника управления, поэтому...

Северов не стал дожидаться конца фразы, отправился приводить себя в надлежащий для встречи с начальством вид.

Место Генриха тут же заняла спустившаяся сверху Вера. Она долгое время выполняла обязанности машинистки, стенографистки и секретаря при начальстве. Быстро расшифровать стенограмму и удивительно читабельно донести мысль генерала и до него самого, и до всех, кому она предназначалась, могла только она.

– Дар у вас, Верочка, наши примитивные мысли красиво укладывать на бумаги, – не удержался однажды от похвалы шеф.

И в качестве поощрения согласился с давней и, скажем прямо, необычной просьбой – разрешить ей хотя бы на полгода отлучиться от бумаг, занять место хозяйки загородного дома, где проходила подготовка людей для заброски в тыл противника.

– Ты что в такую рань пожаловал? – достаточно бесцеремонно поинтересовалась Вера у офицера.

– Начальство. – Лаконичность ответа исключала продолжение разговора.

– Пожалуй, я с вами поеду, надо кое-что по хозяйству сделать в городе.

Он неопределенно пожал плечами, что скорее означало согласие, нежели возражение.

Зал, и без того громадный, казался теперь еще просторнее не только благодаря своим размерам, но по причине отсутствия людей. Стол, освещенный яркими лампами, выглядел весьма рельефно на фоне остальной части помещения, погруженного в темноту. У стола – три стула.

«Тройка» с двумя неизвестными появилась минут через десять. Председательствующий вставил в мундштук папиросу и низким голосом сельского дьяка объявил, что принято решение провести оперативный разбор дела, связанного с провалом операции в районе расположения противника.

Неистребимое желание русских создавать по разным экстренным поводам «тройки», «пятерки» и так далее вызывало у Северова внутренний протест.

– Ну что, Северов, рассказывайте, как все произошло. Готовились – храбрились, а как до дела дошло – трусили?

Северов резко ответил.

– Извините, но я такого слова не знаю.

– Ах, не знаете?

В этот момент дальняя боковая дверь открылась, и в зал беззвучно вошел Григорий. Опираясь на самодельную трость, он осторожно сел на ближайший от двери стул и теперь мог без труда разглядывать из темноты освещенные лица сидящих за столом, а также ссутулившуюся фигуру и затылок своего подопечного.

– Думаю, слово «дезертир» вам известно?

– Не только известно, мне довелось присутствовать при расстреле предателей.

– Где это происходило? – ухмыльнулся председательствующий.

– На фронте.

– Где? – председательствующий склонился к правому соседу и что-то раздраженно шепнул ему.

Тот лихорадочно забегал пальцами обеих рук по корешкам папок, грудой сваленных слева от него.

«Не удосужились даже почитать личное дело, прежде чем разговаривать на высоких тонах», – подумал Северов.

В этот момент к столу приблизился Григорий.

– А вы каким образом здесь оказались? Вы же в госпитале? – недовольно поинтересовался старший в «тройке».

– Совершенно верно, но сегодня утром я узнал, что ведется разбирательство по делу, которое я в свое время начинал, и потому поспешил вам на помощь.

Председательствующий всплеснул руками:

– С конспирацией у нас дело из рук вон. Всего пару часов назад принял решение провести разбор, и вот вам, пожалуйста! Всё управление в курсе.

– Я – не всё Управление, я веду это дело и потому несу полную ответственность за всё, что происходит в рамках выполнения задания.

– И что же происходит в ваших рамках? Просветите нас.

Григорий задумался на секунду.

– При подходе к цели самолет попал под обстрел зениток, в результате сильно пострадал корпус. Состояние моторной части оставалось неясным. Но главное, был ранен Северов.

– Летчики сказали, что рана пушечная.

– Возможно. Но Северов не рассчитывал приземляться во дворе нашего госпиталя, а вполне мог оказаться не в самых стерильных условиях со всеми вытекающими последствиями. Поэтому я приказал, именно приказал возвращаться на базу. Так что все вопросы ко мне.

– Что ж, очень благородно. Однако кому задавать вопросы и какие, мы решим сами.

Дверь распахнулась, и вошел генерал в сопровождении адъютанта.

– О, Федор Алексеевич, здравствуй! Вот, вы где! Возникла необходимость посоветоваться по важному делу.

– Да вот решил наконец разобраться с последним провалом под Псковом.

– Похвально. Разобрался?

– Практически да, остались мелочи.

– Мелочи пока отложим. – Он мельком глянул на сидящих за столом. – Вы свободны.

– А вы, товарищ Григоренко, – обратился генерал к Григорию, – отвезете сейчас на моей машине товарища Северова на базу, а себя в госпиталь и постараетесь не покидать его до пол-

ного выздоровления. Мы же с Федором Алексеевичем, – и он взял старшего из «тройки» под руку, – пройдем ко мне в кабинет, попьем чайку и погоняем мысли по поводу последних событий.

* * *

Машина медленно и почти бесшумно катилась вниз по Кузнецкому Мосту.

– Вот так надо расправляться с интригами, – подвел вслух итог своим мыслям Григорий.

Когда выехали на улицу Горького, то поравнялись с привычной для города процессией. Несколько девиц в начищенных до блеска сапогах и старательно отглаженных гимнастерках, туго перехваченных широкими кожаными ремнями, тянули плавно перемещавшуюся в воздухе на высоте полуторазтажного сельского дома громадный баллон-дирижабль, наполненный летучим газом. Дирижабль был настолько велик, что перемещавшиеся под ним девушки выглядели подобно муравьям, старательно волокущими непосильную ношу для устройства своего обиталища.

В какой-то момент машина поравнялась с одной из них, и Северов постарался, как мог, привлечь внимание красавицы. Она ощутила на себе настойчивый взгляд, но находясь при исполнении боевого задания, не могла позволить себе среагировать на него сразу. Однако, скосив глазами вправо и влево и, видимо, не обнаружив никого из вышестоящих командиров поблизости, она повернула голову и показала Северову язык. При этом глаза озорно сверкнули, а уголки рта сложились в хитрую улыбку.

Защитница столицы и представить себе не могла, до чего прекрасна она была именно в этой гримасе. Сочетание военного с детским оказалось столь очаровательным, что Северов рассмеялся так искренне и так громко, что сидевший за рулем парень, глянув в зеркало на необычного пассажира, не придумал ничего лучшего, как прибавить скорость.

В результате светлая, радостная картинка сменилась военно-будничной. За окном потянулись баррикады из мешков с песком и мрачно слоняющиеся люди в поисках чего-либо пригодного для наполнения желудка.

* * *

Следующие два дня прошли в тягостном ожидании окончания неизвестности. На третий к дому необычно рано подъехала машина, из которой на удивление решительно, хотя и опираясь на трость, вышел Григорий.

– Какие новости привезли, дорогой шеф? – неудачно попытался прикрыть внешним безразличием своё внутреннее состояние Северов.

– Сразу две.

– Первая?

– Надо лететь и выполнять свой долг. Маршрут полета несколько меняется, задание остается прежним. И второе: чтобы не дразнить напрасно гусей, вылет целесообразно не откладывать.

– Я тоже думаю, не стоит зря испытывать долготерпение природы, людей и начальства в том числе. Лучше вылететь на день раньше, чем на час позже. Одним словом, когда?

Григорий внимательно посмотрел на Северова и хитро улыбнулся.

– Человек, планировавший революцию в России, в ответ на вопрос о дате начала восстания сказал так: «Сегодня рано, послезавтра поздно». Воспользуемся и мы его формулировкой.

– Я даже знаю его имя.

– Тем более.

* * *

Ровно в семь часов тридцать минут утра следующего дня, скрипя деревянными ступеньками, в дом поднялся сухопарый, казавшийся высоким из-за своей худобы сотрудник лаборатории. В руках у него был старый, но прекрасно справившийся с испытанием временем медицинский саквояж, точно такой, какие носили с собой все врачи до революции, посещавшие больных на дому. Но в отличие от тех, прежних врачей, доктор сразу перешел к делу: открыл свой антикварный саквояж, замыкавшийся двумя медными замками, и извлек из него несколько изящных металлических цилиндров с завинчивающимися металлическими пробками.

– Вот в этом металлическом контейнере четыре дозы препарата цианистого ряда, разработанные нашей лабораторией. После применения его почти невозможно обнаружить в организме. Я сказал «почти» с учетом высокоразвитой фармакологической индустрии у противника. Но и этот фактор ограничен во времени: если в течение часа он не будет выявлен, то превратится в обычные соли, которые с течением жизни откладываются, к сожалению, на моих и ваших суставах. Содержимое же другого цилиндра способно отключить человека на какой-то период от активной жизни, а вот этот, напротив, сделает объект в десятки раз болтливее, нежели любой алкоголь.

В предлагаемом списке было девять наименований, Генрих одобрил лишь первые два. Доктор, как опытный лавочник, долго превозносил Северова за столь мудро сделанный им выбор, но не удержался, однако, от того, чтобы не прийти в восторг от первой капсулы, в создании которой он, видимо, принимал непосредственное участие.

– Поверьте, с одной стороны, это страшная бомба, необходимая нам всем в военное время, с другой – величайшее открытие, которое будет увенчано Нобелем сразу после окончания войны.

Северов засомневался, но тут же был поставлен на место.

– Не удивляйтесь, молодой человек, сам Нобель приобрел впервые всемирную известность не учреждением посмертной премии, а еще при жизни изобретением динамита – взрывчатки, которая во много раз разрушительнее, чем порох.

Еще до обеда подъехали сначала шифровальщик, а чуть позже и радист. Оба были знакомы с Северовым, но теперь повели себя по-разному. Первый передал Северову новый шифровальный блокнот почти без комментариев и тут же удалился. Радист оказался куда разговорчивее, а главное, значительно душевнее своего коллеги. Как все влюбленные в свое дело люди, он в очередной раз с увлечением поведал о том, что миниатюрные металлические коробочки, переданные Северову, – это еще и две самостоятельные приемно-передающие станции, способные сохранять работоспособность и в сырости, и в холоде, и при высоких температурах.

Однако наиболее трогательной стала неофициальная часть встречи, проходившая за чаепитием.

– Я уже дважды просил отправить меня в действующую армию, в партизанское соединение. Отказали. Все мои сверстники в орденах вернулись. Боюсь, война скоро закончится, а я ни с чем останусь. Детям нечего рассказывать будет, – сокрушался радист.

– Зря волнуетесь, – постарался рассеять беспокойство собеседника Северов. – Человек вы молодой и успеете еще во всем поучаствовать. Война только началась и продлится не один год.

Вдохновленный мрачной перспективой гость покинул уютный и светлый загородный дом в приподнятом настроении.

* * *

В ту ночь всё было, как и в первый раз. Самолет выкатили из укрытия, освободили от маскировочного материала и экипаж, готовый к полету, выстроился, как всегда, перед машиной.

Северов терпеть не мог прощальных процедур, а потому как можно быстрее впрягся в ремни парашюта и щелкнул замком.

Пилот скорее для начальства, нежели для дела, проверил надежность всех застёжек, после чего экипаж поднялся в самолет и занял свои места.

– Ну что ж, удачи тебе. – Григорий почему-то смотрел то в землю, то мимо Северова.

– Нам, – осмелился поправить тот, пожимая в ответ протянутую руку. А когда поднялся по приставной алюминиевой лесенке, то невольно повернулся.

Несмотря на незначительное расстояние, разделявшее их, освещенная лунным светом фигура Григория с высоты третьей ступеньки показалась ему несколько придавленной к земле. Генрих хотел крикнуть ему что-то ободряющее, но дверь закрылась, пропеллеры закрутились энергичнее, и самолет, нехотя преодолевая инерцию, неуклюже подпрыгивая на неровностях почвы, исчез в темноте, оставив за собой поток теплого воздуха, пропитанного запахами топлива и масла.

* * *

Северов сел на лавку со стороны правого борта. Ровный гул мотора возвращал его в привычное состояние размышлений, когда лучше всего думалось о доме и родителях.

Отец, попав в Первую мировую совсем юным добровольцем на фронт, получил крест «За отвагу» из рук самого государя-императора, который много времени проводил на фронтах, раздавая боевые награды рядовым и офицерам. Поражение России и все, что последовало за этим, вызвало у отца глубокое разочарование и недоверие ко всем, кто стремился править или уже правил Россией. Он решил покинуть страну и поселился в Эстонии. Там он читал лекции в Тартуском университете, где и познакомился с немкой из пасторской семьи, преподававшей в университете латынь и, не раздумывая, женился на ней, о чем потом ни разу не пожалел. Рождение сына только укрепило его в правильности сделанного выбора.

В отличие от отца, которого все знакомые называли не иначе, как «бурелом», мать-немка обладала на редкость уравновешенным характером. Она умело сглаживала острые углы, которые хоть и редко, но все же возникали в их отношениях, чаще всего на национальной почве.

После того как немцы в сентябре 1939 года вторглись в Польшу, а русские вошли в Прибалтику, отец на семейном совете в присутствии жены и сына произнес крылатую фразу: «Воевать мне поздно, умирать рано, но и жить в странном пространстве между двумя клетками с дикими кошками неразумно».

Скоро семья переехала на жительство к двоюродной сестре отца, у которой был дом на Волге, под Саратовом.

К Советской власти отец относился, мягко говоря, недоброжелательно и рассчитывать на снисходительность с ее стороны не мог. Именно поэтому он постарался уехать подальше от столицы, ибо каждый километр удаленности от нее компенсировался единицами жизненного покоя, потребность в котором с каждым прожитым годом заметно увеличивалась.

Утро начала войны 22 июня 1941 года всё изменило в семье Северовых. Уже к обеду отец из рядового скептика превратился в неудержимого патриота России.

Во время проводов сына на фронт, он обнял его:

– Я защищал нашу землю достойно, надеюсь, ты меня не посрамишь.

Мать была менее патриотична:

– Учи, немцы – народ смелый и сентиментальный. Однако когда они сбиваются в большие группы, то становятся воинственными, а некоторые просто жестокими. И ты должен учитывать это при общении с ними.

Отец терпеливо слушал эти наставления и не выдержал:

– Дорогая, сын наш идет воевать, ему придется не общаться, а стрелять!

– Не могут же люди круглые сутки стрелять! Когда-то должен быть перерыв.

– Непременно! В перерыве, дорогая, хоронят убитых.

Паровозный гудок возвестил одновременно отправление поезда и окончание прощания.

Странное совпадение: сразу после паровозного гудка, прозвучавшего в воспоминаниях, последовал реальный сигнал в салоне самолета. Под мигающей лампочкой появился штурман, по возрасту старший из всего экипажа.

– Подходим к цели, – произнес он голосом трамвайного кондуктора, поглядывая на ручные часы размером с будильник, обычно украшавший интерьер сельской избы.

Видимо, стрелка часов еще не достигла нужного деления, когда штурман поднял голову, и Северов увидел глаза, полные грустного сочувствия.

Он подошел поближе к двери и, наперекор шуму моторов, прокричал:

– Не забивайте, штурман, светлую голову мрачными мыслями и передайте Григорию, как сказал великий русский писатель: «Мы еще увидим небо в алмазах!».

В это время дверь скользнула вбок, и Северов решительно шагнул в темную неизвестность.

– Дай Бог, тебе удачи! Отчаянный человек, – перекрестил вдогонку штурман черную дыру, в которой только что исчез необычный пассажир.

Разворачиваясь, самолет набрал высоту и лег на обратный курс. Оба мотора заработали ровно и уверенно, с чувством исполненного долга и с надеждой на скорое и благополучное возвращение домой.

* * *

С первых же минут приземления Северов понял, что ему повезло. Он не завис на деревьях, не рухнул в какой-нибудь водоем или, что еще хуже, в болото. Под ним – твердая почва и, судя по очертаниям, по крайней мере с одной стороны молодой лес.

Он быстро сложил парашют и бегом добрался до опушки леса. Здесь он согласно инструкции постарался в первую очередь избавиться от главной улики – верно сослужившего свою службу парашюта. Тонкая шелковистая ткань с видимым удовольствием скользнула в открытое им пространство, затягивая с собой стропы и ремни. Свежую яму он забросал прошлогодними листьями, прилег под раскидистые ветви двух трогательно прильнувших друг к другу березок и стал внимательно прислушиваться к шуму леса.

Городской житель плохо различает звуки, издаваемые ночными птицами, зато моментально улавливает звуки человеческой поступи, если она примешивается к птичьему разговору.

Северов лежал на земле с открытыми глазами всё в той же позе, когда совсем рядом послышались чье-то дыхание и тяжелые шаги. Он напрягся всем телом, как пружина, и осторожно потянул из футляра нож. Теперь надо было развернуться, лечь на живот, подтянуть ноги и приготовиться к прыжку. При развороте тела пряжка брючного ремня предательски лязгнула, на секунду коснувшись лезвия обнаженного ножа.

Лязгающий звук тут же был услышан чутким ухом. Шаги немедленно прекратились. Их звуки исчезли. Неизвестный замер. Оба ждали лишь сигнала, чтобы подняться и отстаивать свое право на жизнь.

«Итак, судя по всему, меня взяли под контроль с самого начала и ждали в этом квадрате, но упустили момент посадки и теперь рыщут по всему лесу. И уже совсем близко». Северов сжал рукоятку ножа: «Надо быть готовым к самому неприятному началу».

Неожиданно тяжелое дыхание и топот возобновились где-то совсем близко. Он еще крепче сжал рукоятку ножа. «Главное, не промахнуться с первым ударом в темноте». Он немного привстал с колена, чтобы оттолкнуться от земли сразу двумя ногами.

И в этот момент цепочка бежавших по небу облаков неожиданно оборвалась. Почти совсем круглая луна, завершая свой цикл, вырвалась из-за своего туманного прикрытия и осветила всё вокруг неожиданно и ярко, словно вспыхнувшая в темноте электрическая лампочка. Через ветви молодого деревца Северов жадно впился взглядом в лежащее перед ним пространство. Полное безлюдье.

Неизвестность порой хуже плохой новости. К счастью, в этот момент звуки и сопение вновь возобновились. Он глянул на пролежавшую за перелеском небольшую заросшую тропинку и тут же стыдливо убрал холодное оружие в подвешенный к ноге футляр.

По дорожке, громко фыркая и тяжело ступая, ему навстречу двигалась дружно, как ему показалось, даже торжественно, пара ежей: он – впереди, она – чуть поодаль за ним. Оба сопели.

Непонятым оставалось, как такие небольшие по размеру существа могли так громко и серьезно сотрясать землю?

– Что вы по ночам шастаете по лесу, людей пугаете, – возмутился Генрих и тут же об этом пожалел.

Ежи вновь высунули мордочки, удивленно внимая несправедливым упрекам незваного гостя.

– Ну да ладно, не будем ссориться, и у вас, и у меня дел еще по горло.

Ежи согласились с мирным предложением, и, развернувшись синхронно, словно машины на военном параде, исчезли в ближайших кустах.

Не поднимаясь на ноги, Северов ползком вернулся в свое убежище, благо в училище до отупения учили хорошо ползать, максимально плотно прижимаясь к земле. Сержант работал с курсантами, не жалея ни их, ни себя, но любимой его темой была все-таки маскировка. Перед выстроившимися новобранцами он обычно произносил фразу, которая запоминалась на всю жизнь: «Что вы маскируетесь? Да вас за километр видно! Кто чем прикрылся? Вот я, к примеру, замаскируюсь, и никто из вас не разберет, где я, где пень». Кто-то в строю не сдержался и хмыкнул. «Рядовой Гунгер, шаг вперед! Что вас так развеселило в сказанном мною?» – «Пень, товарищ сержант, – предмет неодушевленный, а наш сержант – командир Красной армии. Так что сравнивать его непосредственно с пнем было бы несправедливо». – «Правильно мыслите, курсант Гунгер! Вставайте в строй. И оставим эти улыбки и усмешки до конца занятий».

Генрих вернулся в своё убежище, достал приемник, растянул на сучьях антенну и включил его на «прием».

Эфир не был готов к человеческому диалогу и поначалу зло зашипел, однако скоро смиловился. Певица исполняла популярную французскую песню, но теперь уж на немецком языке: «Вернись, я жду тебя, ты – всё мое счастье». Извечная драма любви, связанная с неизбежными расставанием и возвращением, показалась Северову в тот момент не очень актуальной. Он чуть привстал, развел антенные усы, после чего вновь склонился над приемником. Однако не успел он приладить как следует наушники, как из них полилась немецкая речь, да так громко, будто говорившие стояли за его спиной.

– Последний раз спрашиваю, ты точно глазами видел самолет и парашютиста?

– Еще раз докладываю, что своими ушами слышал гул мотора.

– Над головой?

– Возможно, над чьей-то, но не над моей.

– А что по поводу парашютиста?

– На инструктаже сказали, что по имеющимся у командования данным он сегодня обязательно приземлится в нашем районе.

– О чем говорили на инструктаже, я знаю и не намерен это обсуждать. И тебе не рекомендую.

Диалог оборвался. Но даже из услышанного становилось совершенно ясно, что время начало работать против Северова.

Используя вырвавшийся сквозь просветы между бегущими облаками лунный свет, он уложил один из двух приемников, тот, который был предназначен для одного из потенциальных партнеров, в водонепроницаемую эбонитовую коробку. Затем пристроил туда же металлические колбы с неаппетитными растворами, которые, как выяснилось, должны были произвести после войны серьезное впечатление на членов Комитета по присвоению Нобелевской премии в Стокгольме.

Затем он тщательно забинтовал коробку клейкой изоляционной лентой и двинулся в путь.

Продвигался он медленно, от куста к кусту, прослушивая лес очень внимательно от шага к шагу. Раздвинув в очередной раз молодые сосенки и, посмотрев в образовавшееся между ними пространство, вздрогнул от неожиданности.

Непосредственно за деревьями – обрыв, а дальше внизу – заброшенный песчаный карьер, переходящий в поле, упирившееся в горизонт.

Тут же он обнаружил глубокую выемку, поросшую кустарником. Опустившись в нее, нашел в глиняной стене глубокую нишу, заложил туда коробку и старательно заполнил образовавшееся отверстие влажной смесью из песка и глины.

Петляя между кустами, он добрался до своего первоначального убежища и, набросав сухой травы между тремя молодыми деревцами, улегся на спину, раскинул широко руки и, одолеваемый усталостью, стал медленно погружаться в приятное небытие.

* * *

Проснулся он от яркого луча солнца, который пробивался через беспорядочно шевелившиеся от ветра листья. Мозг моментально восстановил все события прошедшей ночи.

Северов поблагодарил свой организм с устойчивой нервной системой, который дал ему несколько спасительных часов здорового сна, полностью восстановившего психические и физические силы.

Солнце стало пригревать уже с раннего утра, пробуждая все то, что самой природой предназначалось для активной жизни. Генрих поднялся, взял в руки пиджак, которым прикрывался ночью, и удивился: на пиджаке и брюках не было ни единой соринки, не говоря уже о листьях и палках, в которых он проспал вторую половину ночи. «Возьмите вот этот невзрачный серый костюмчик, – предложил кладовщик, одевавший его в дорогу, – он из спецткани. На вид – неброский, но имеет особенность – заряжен каким-то электричеством, и отталкивает всё, что на него садится, поэтому всегда выглядит свежим». Северов последовал его совету. Сейчас, глядя на пиджак, который будто бы только что вышел из-под утюга портного, поблагодарил разбирающегося в своем деле специалиста по одежде.

Перед тем как покинуть свое логово, Северов под прикрытием кустов прошел по ночному маршруту, прыгнул в яму и остался доволен своим ночным творчеством. Затем он подштукатурил еще немного влажное место песком, сделал шаг назад и утвердительно кивнул сам себе в знак того, что последний мазок маэстро удался.

Затем собрал пожитки и, поблагодарив взглядом укрытие, которое ему предоставили в трудную минуту три деревца, пошел по заросшей лесной дороге.

По его расчетам, от песчаного карьера до города было около десяти километров. Судя по карте, лес подходил почти к самому городу, а точнее город, постоянно расширяясь, приближился одной стороной к самому лесу. Именно здесь, на окраине города, находился дом одного из связанных, кого рекомендовал Центр.

Григорий сказал тогда, что согласно решению руководства Северов должен будет в качестве первого шага установить контакт с этим человеком.

– Вот пароли, явки, запасные встречи и так далее. О твоём прибытии он будет поставлен в известность.

Северов пожал плечами:

– Сказано установить – установим. В чем проблема?

Григорий тяжело вздохнул.

– Дело в том, что это сырые люди.

Северов от отчаяния опустил руки.

– Неужели ты думаешь, Григорий, что я, как говорят, прямо с вокзала, в грязных ботинках, невымытый, побегу по указанному адресу, постучу в окно, назову пароль и произнесу торжественно: «Здравствуйте, я ваша тетя. Пришла от Григория Федоровича. Ставьте самовар, будем чай гонять».

– А если серьезно?

– Если серьезно, то я не намерен устанавливать контакт с людьми, пока не приду к твердому убеждению, что они не работают на противника.

– Центр не сможет ждать долго, – возразил Григорий.

– Центру придется ждать много дольше, если я окажусь на виселице.

Вспомнив этот разговор, Генрих ускорил шаг.

Двигаясь по лесу, он постоянно наталкивался на заросли молодых деревьев, обходил их, вынужденно отдаляясь от дороги, затем, миновав сложный участок, вновь возвращался к прежнему курсу. В какой-то момент сближения с дорогой он услышал, как кто-то говорил.

Северов остановился, прислушался.

Говоривший обвинял своего напарника в лени, нерадивости, в конце концов, в нечестном отношении к нему, говорившему. Все это пересыпалось отборной бранью, хотя, правда, в голосе не слышалось и намек на злость, ненависть или что-то подобное. Скорее, наоборот – звучали снисходительность, благосклонность к предмету поругания, а нецензурные слова являлись всего лишь способом выражения глубоких чувств. Причем не обязательно отрицательных, а чаще всего даже самых добрых.

Северов подошел ближе к дороге и увидел подводу, на которой сидел мужик. Он-то и говорил, но вовсе не с попутчиком, а с лошастью. Поскольку животное – существо безмолвное, то и беседовать с ним было много приятнее, нежели с существом говорящим. Монолог в этом отношении универсален: он ничего не требует. Можно высказывать бесконечное количество самых нелепых мыслей и не ждать их опровержения.

Северов собрался выйти на дорогу, но голос неожиданно стих. Мужик слез с телеги, обошел ее, остановился и долго молча разглядывал ось, мрачно уткнувшуюся в землю и соскользнувшее с нее колесо, лежавшее рядом в обочине. После недолгих размышлений стало ясно, что клин, удерживавший колесо на оси, выпал, и колесу ничего не оставалось, как действовать самостоятельно, спустившись в придорожную канаву. Прежде чем что-то предпринимать, мужик возобновил монолог, но теперь уже не с лошастью, а с телегой, которую не хотел брать из-за плохого предчувствия, но черт таки попутал.

Выходящий из леса всегда вызывает недоверие, другое дело идущий по дороге, которая сама по себе уже легализует его на земле брэнной. Северов улучил момент, когда мужик повернулся к нему спиной, вышел из леса и спокойно направился в сторону незадачливого возницы.

Тот сидел у кювета, мрачно поглядывая на откатившееся в сторону колесо и торчавшую тележную ось.

– Бог в помощь, – прохрипел Северов, подойдя ближе к мужику.

Тот недовольно повернул голову и невнятно пробурчал:

– Бог тут ни при чем, клин запорный выпал, потому и колесо съехало.

Причинно-следственная связь, сформулированная мужиком, выглядела безупречно.

– Может, поискать? – предложил Северов. Мужик глянул с усмешкой на дитя нерадивое.

– Это же верст десять по канаве итить надо, и то не вдруг найдешь.

– Тогда можно из молодняка новый выстрогать, – предложил Северов.

– А то б я без тебя б не додумался. Чем прикажешь, пальцами что ли строгать? – мужик сделал в слове «пальцы» ударение на последнем слоге.

– Почему пальцами? – машинально скопировал мужика Северов и достал из кармана небольшой перочинный нож с деревянными накладками и надписью на металлическом лезвии «Золлингген». – Дед с Первой мировой привез. Сталь немецкая, четверть века не точена и все как бритва.

Лгать неприлично, но если во имя правого дела, то можно. На самом деле Северов подобрал нож где-то в немецком окопе после того, как выбили оттуда противника. Мужик искренне принял современный немецкий нож за сувенир четвертьвековой давности и попросил разрешения апробировать его в действии.

За несколько минут он действительно легко и умело обработал кусок дерева, превратив его в необходимый клин, удерживающий колесо на оси.

– Таким даже телегу сработать можно, а не то что палку выстругать, – с благодарностью он вернул хозяину нож и, собравшись в дорогу, поинтересовался: – Далеко ль собрался?

– Иду в великий град Псков.

Русский мужик – существо сложное. Бывает умен, бывает добр, но хитер обязательно, поэтому требует особого подхода. Это Генрих знал точно. А потому как ни в чем ни бывало добавил: – Засветло не успею, переночую, тут есть места знакомые.

– Что ж, ты мне помог, я тебе добром отплатить должен. Садись, подвезу, только если немцы... Они долго разбираться не любят. Их понять по языку трудно, да и по смыслу тоже, так что сам отвечать будешь, ежели что.

– Я уже четыре патруля прошел, пока из Минска ехал. – Северов уселся на противоположной стороне телеги, чтобы уравновесить мужика и лошадь, которая безо всякого энтузиазма потянула телегу.

Поначалу ехали молча.

– Как у вас там, в Минске, хуже, чем у нас? – вдруг поинтересовался мужик.

– С чего это у нас лучше будет? Везде одно и то же.

– Понятно. Власть – она одна пришла, везде теперь без разницы будет. У нас пока только колхозных коров угнали, до личных еще не дошли.

Он как бы икнул и неожиданно умолк. Дорога повернула резко вглубь леса, и ними предстала картина, от которой запросто могло остановиться дыхание.

Уступив всего одну колею для проезда, справа стоял немецкий грузовик «Блиц» с задраным капотом. Два немецких солдата в форме, проникнув с обеих сторон под капот машины, с очевидным знанием дела устраняли возникшие в моторе неполадки. Третий, чином посolidнее, стоял у крыла машины и подавал им требуемый инструмент. Работа шла бойко, и немцы не обращали внимания на приближающуюся подводу.

Северов опустил руку в карман и сбросил предохранитель на пистолете.

– Вот тебе и новая власть на машине застряла.

– Машина – не лошадь. В любой момент отказать может, – отозвался мужик, натянув левую вожжу и объезжая грузовик.

Услышав русскую речь, один из копавшихся в моторе поднял голову и внимательно проводил взглядом проезжающую телегу с двумя мужиками. Обогнув препятствие, лошадь не спеша втянула телегу в прежнюю колею и, словно почувствовав напряжением спиной, не то чтобы побежала, но пошла быстрее. Не поворачивая головы, Северов почти до боли скосил глаза вправо и зафиксировал прежнюю возню вокруг немецкого грузовика.

Далее какое-то расстояние проехали молча. Как и следовало ожидать, первым не выдержал мужик:

- А у тебя, я смотрю, при виде немцев голос пропал.
- Со страху не то случается.
- Это верно.

Дальше ехали молча. Каждый думал о своем. Одно было очевидно – отношение мужика к нему после встречи с немцами изменилось. Из разговорчивого человека он вдруг превратился в молчуна. И это не обещало ничего хорошего.

Вообще отношение у крестьян к Советской власти было, мягко говоря, неровное. Ради индустриализации государство отбирало у них всё, возвращая лишь маленькую частицу благодарности. Глядя на шею крестьянина, высушенную солнечными лучами, на его ветхую одежду и явно недокормленную лошаденку, Северов ощутил какую-то тревогу и неуверенность в складывающейся ситуации. Если он настроен против существовавшей в России власти, то сдал бы его при первой же возможности немцам, а ведь он этого не сделал. С другой стороны, всё произошло так неожиданно и быстро, что он мог не сообразить, что нужно сделать за такой короткий отрезок времени. Сейчас у мужика появилась возможность все как следует обдумать и действовать далее в соответствии с его убеждениями и отношением к Советской власти, а также к немцам, что пока из общения с ним четко не проявилось.

И тем не менее дальнейшая поездка становилась для Генриха опасной. Какие мысли были у него в голове, и какие еще придут по дороге, спрогнозировать не представлялось возможным.

- Послушай-ка, дорогой, скажи, до Большого Загорья далеко?

– Зачем далеко?! Рядом. Выйдем сейчас на поле, направо дорога вдоль леса пойдет прямо в Загорье, никуда сворачивать не надо.

- В голосе Северов почувствовал нотки радости от реализовавшейся неожиданно надежды.

– У меня тут родственник по линии жены живет. Решил, заеду, переночую, заодно и навещу, побуду с ним, а то когда еще придется в этих краях бывать?

- И то верно. Нынче тут гнилой угол, мало кто заглядывает.

Лес кончился, и справа действительно потянулась ржавая от глинистой почвы, изобиловавшая глубокими промоинами с обеих сторон проселочная дорога, проехать по которой мог позволить себе человек или сильно подгулявший, или с большого отчаяния. Северов сошел на землю.

- Благодарю тебя, благородный человек. Подвез путника.

- Ты лучше Бога благодари за то, что живой остался.

Лицо мужика сделалось серым, скулы выкатились наружу.

- Что так?

- Заметил я, как ты напрягся, когда с немцами повстречался.

– Мне они тоже не по душе, но и вы не лучше. Ничего, разберемся. – Он хватанул лошадь вожжами со всей силы по крупу. Та рванула с места и понеслась вперед.

Северов хотел было проводить взглядом удаляющуюся подводу, но шум мотора заставил его срочно ретироваться в лес. Пройдя шагов десять-пятнадцать, он остановился: густая поросль, заполнившая пространство между крупными деревьями, закрывала ему возможность наблюдать за происходящим. Он переместился чуть правее в угол, образованный скрещиванием основной дороги с проселочной, ведущей в Загорье.

Грузовик, урча мотором, подъехал к перекрестку и затих. Два низших чина выпрыгнули из кабины и двинулись по дороге, ведущей в Загорье, однако, пройдя метров пятнадцать, остановились. Один из них крикнул сидевшему за рулем:

– Дорога непроезжая.

– Что значит непроезжая? – из кабины вылез здоровенный детина, толщине шеи которого мог позавидовать любой представитель крупных парнокопытных. – Приказ есть приказ, – он озвучил истину, справедливую для всех армий мира.

Шофер, понуро опустив голову, забрался в кабину, включил мотор и, развернув грузовик, двинулся по ненавистой дороге. Впереди шел толстошей, указывая водителю на колдобины, который тот сверху и без него отлично видел. Искусно вращая рулем, парень сумел проехать по дороге минимум двадцать метров, когда вдруг ведущее колесо забуксовало и машина плавно, тяжелым задом, съехала в глубокую яму с водой.

– Как же тебя так угораздило? – развел руками шедший впереди.

– Приказ есть приказ, – сыронизировал мрачно солдат, глядя на ушедшее в воду колесо.

Правда, в создавшейся ситуации эта истина звучала не столь убедительно, как прежде.

Неудача вызвала у шофера-немца проблемы с желудком: он что-то сказал старшему и, не дожидаясь ответа, бросился в кусты. Пока он там отсиживался, к перекрестку подъехали два мотоциклиста с колясками, в каждой из которых восседал еще один младший чин.

Северов почувствовал себя неудобно, будучи обложенным с двух сторон треугольника, внутри которого он находился. Хотя доносившиеся до него обрывки из разговора мотоциклистов давали ему некоторое представление об осведомленности действующих против него поисковых групп.

Прибывший на втором мотоцикле военный, судя по всему, был старший по званию и должности. В просвете между ветками были видны лишь верхняя часть спины и суховатая жилистая шея, удерживавшая голову, покрытую форменной фуражкой, из-под которой выбивались жидкие светлые пряди волос.

– Так что ж получается? – взревел тонкошей. – Вы, Вольф, видели объект вблизи, практически вошли с ним в контакт, зафиксировали его внешность, одежду и так далее, то есть идентифицировали его, не так ли?

– Так точно.

– А затем вместо того, чтобы принять меры к задержанию, отпустили его в свободное плавание?

– Никак нет. Объект появился около поста в одиннадцать пятнадцать. Тогда действовало указание не препятствовать его движению, а сопровождать до города. Указание о задержании объекта поступило двадцать минут спустя, когда объект покинул повозку и двинулся по этой дороге в сторону Загорания.

– Загорья, – поправил старший.

– Так что мы действовали в полном соответствии с получаемыми указаниями, – закончил докладывающий.

– Что ж, вы действовали согласно приказам, но в рамках приказа должна быть инициатива.

– Так точно.

– И учтите, русские к таким дырявым дорогам привыкли, на хорошем асфальте их тошнит.

– Я думаю так же.

– Вот и прекрасно. Отрядите двух человек с оружием преследовать беглеца. В перестрелку с ним не вступать. Я вызвал спецотряд на гусеничном транспорте с собаками.

Дальнейшее развитие событий Северова уже не интересовало. Он отошел вглубь леса и, обходя населенные пункты и держась подальше от главной дороги, двинулся в сторону Пскова.

Пройдя лесом часть пути, он еще засветло выбрал небольшую высоту, покрытую смешанным густым лесом. Небольшой холм, поросший кустарником, как бруствер закрывал небольшое лежище, вытоптанное скорее всего каким-то крупным животным и со временем густо заросшее травой. Громадное дерево, не устоявшее против времени или стихии, навалилось на соседа, образовав своим мощным корневищем, вырванным из земли, надежную крышу над головой гонимого животного или человека.

Северов опустился в густую траву, которая услужливо расступилась, выстилая ему мягкое ложе. Напряжение, державшее его в жестком коконе весь день, стало сползать слой за слоем, возвращая его в привычное состояние ровного покоя. Погружающийся в объятия Морфея не волен распоряжаться событиями, которые являются ему в таинственном промежутке между сном и бодрствованием.

На сей раз это был его любимый дед по линии отца. Дед – личность легендарная. Во время Первой мировой войны он был нелегально внедрен в штаб крупной немецкой группировки. Там он старательно собирал материалы о состоянии немецких войск и планах немецкого командования, которые с помощью надежных связных переправлял через нейтральные страны в Генеральный штаб России.

Свершившейся пролетарской революции его заслуги перед Россией оказались не нужны, и он вовремя переместился жить во Францию, забрав с собой и некоторую часть семейных ценностей, которые позволили ему открыть в престижном шестнадцатом районе Парижа небольшой, но ставший быстро популярным ресторан кавказской кухни.

Северов с отцом несколько раз навещали деда в Париже. После смерти жены тот немного сдал, но держался бодро. Каждый день с утра он обливался холодной водой и один раз в год обязательно выезжал плавать на море. С оккупацией немцами Северной Франции связь с дедом прервалась, и лицо его стало тускнеть в памяти.

Засыпая, Северов не видел, как грозовая туча поднялась из-за горизонта и повисла над головой. Молнии со всех сторон потянули свои огненные нити с неба к земле. Небо вздрогнуло и послало за светящимися стрелами гром, тактично предупреждая о приближении дождя.

* * *

Грозная темная туча медленно выползала из-за горизонта и, поглощая как спрут, светлые куски неба, осторожно подбиралась к главному светилу, которое, не обращая внимания на приближающуюся опасность продолжало как ни в чем не бывало посылать яркое тепло на землю. Не сомневаясь в себе оно упрямо повторяло для тугодумов, что тучи и ветер с дождем приходят и уходят, ему же, главному источнику жизни, вменено свыше светить вечно.

До наступления ранней темноты Генрих успел упрочить естественную крышу из разлапистых ветвей дерева еще двумя слоями веток с соседних деревьев. При этом с благодарностью вспоминал времена, когда был членом бойскаутского отряда, которым руководил немец по фамилии Дорн. Тогда они каждое лето отправлялись в поход. Брать с собой разрешалось совсем немного продуктов. «Основная пища, – учил Дорн, – лежит у вас под ногами, висит над головой или плавает в реке». Пребывание в лесу было рассчитано на три недели, и сократить сроки могли лишь чрезвычайные обстоятельства, как-то: возникновение военных противостояний в Европе либо распространение среди бойскаутов диареи. Последнее было постоянным предметом выяснения отношений на утреннем построении. Если скаут честно признавался в постигшем его несчастье, то получал от Дорна несколько спасительных таблеток. И хотя эта процедура проходила под негромкое хихиканье остальных, зато жертву не отправляли срочно домой. Хихикающих же Дорн решительно осуждал музыкальной фразой из какой-то оперы, воспроизводимой нараспев и громко: «Сегодня – ты, а завтра – я».

Воспоминания отвлекли Генриха от происходящего. Темная туча тем временем еще издали предупредила о своих серьезных намерениях, разбрасывая по всему горизонту ост-роконечные стрелы и посылая им вдогонку раскатыстый угрожающий грохот. А вся картина в целом довольно близко воссоздавала обстановку фронта. То же темное неприветливое небо, наспигованное вражескими самолетами, яркие всплески осветительных ракет и душеразди-рающий звук рвущихся над головой снарядов. Даже бруствер, который укрывал сейчас сидев-шего в раздумьях Генриха, и тот удивительно напоминал насыпь перед окопом, за которой он укрывался в ожидании появления противника.

Но вот туча солидно и несуетно сместилась в сторону, предоставив небу возможность изливать на землю свои чувства дождем.

Генрих достал из рюкзака котелок, налил в крышку дождевой воды, бросил туда содер-жимое брикета, изъятая из промасленной упаковки с надписью «Каша пшенная с мясом – спецзаказ» и в очередной раз помянул добрым словом русских умельцев. Брошенная в воду спрессованная масса вдруг возмутилась и, разогревая себя, пришла в движение, распростра-няя далеко вокруг острый запах жареной ветчины. Генрих взял было складную ложку, чтобы, как говорили в армии, «снять пробу» с приготовленной пищи, как вдруг ощутил чей-то взгляд, упирившийся в его затылок.

Угадывать имя стоящего за его спиной одноклассника входило в перечень наиболее неза-мысловатых и распространенных школьных забав, в которых Генрих почти всегда оказывался не на последнем месте, что значительно укрепляло его авторитет среди коллег. На сей раз, правда, ставка сильно повышалась, будучи связана с точным отгадыванием, ибо упиралась в самую жизнь. Он бесшумно нагнулся, нащупал закрепленный на ноге нож и одновременно резко повернул голову. Два наблюдавших за ним глаза тут же ретировались в глубину леса, однако, оказавшись на почтительном и безопасном расстоянии, продолжали внимательно наблюдать за ним из-за деревьев. Генрих присмотрелся. Глаза показались ему размером меньше челове-ческих.

– Так это же волк! – радостно воскликнул он.

Господи, до чего же все теперь вывернулось наизнанку! Встреча с хищником стала куда большей радостью, чем с себе подобным. Тем не менее матерый хищник, оценив расстояние с лесным чужаком и, выйдя на свет из лесной чащи, предстал перед Генрихом в виде громадной черной лохматой дворовой собаки, доведенной, видимо, до отчаяния голодной лесной жизнью. Опустив низко голову и виновато переступая с лапы на лапу, пес осторожно искал помощи у того, кто природой был предназначен ему как хозяин и которому весь род его собачий безро-потно и верно служил, как никто другой.

Пес закончил изучение незнакомца на расстоянии и, руководствуясь каким-то чувством, близким к безысходности и отчаянию, двинулся навстречу неизвестности.

Войдя под импровизированный навес, он остановился, четко придерживаясь дистанции, положенной незваному гостю. Несколько минут они внимательно смотрели друг на друга, пока Генрих не разглядел громадную лужу под мордой прищельца и не осознал причинно-след-ственную связь происходящего: из правого угла собачьей пасти тонкой струйкой сочилась слюна, непрерывно увеличивая размеры лужи.

– Ты – черный и голодный цыган, – Северов положил к лапам собаки два куса размяк-шего в горячей воде концентрата. При слове «цыган» пес вздрогнул и уставился на Генриха.

– Не удивляйся. В деревне всех темно-шерстных собак называют цыганами. И не мин-дальничай, ешь, пока дают!

Услышав знакомое «ешь», Цыган с радостью проглотил в один присест оба брошенных ему куса.

– Э! Так мы с тобой в норму не уложимся.

Северов достал еще один брикет и вновь честно поделился с новым знакомым.

Его отец любил повторять, что дворовые собаки наделены особенной мудростью. Словно желая сделать этот постулат неоспоримым, Цыган аккуратно разделил неожиданный подарок на несколько частей и теперь, не спеша, поглощал их одну за другой, не забывая делать паузы, во время которых вопросительно поднимал морду, всматриваясь в лицо Генриха, и только после его поощрительного кивка приступал к следующей. Даже у изнуренного голодом Цыгана непоколебимым остался рефлекс – воля хозяина важнее инстинкта.

Закончив есть, Цыган лег прямо у его Генриха, доверчиво положив морду на вытянутые лапы.

В ту ночь Северов спал поистине безмятежно, переложив всю ответственность на Цыгана, поскольку знал, что бдительность, которая с таким трудом воспитывается в людях, собакам присуща от природы.

Утро оказалось не только мудренее вечера, но и прекраснее. Солнце, осознав свою вину за допущенное вчера шумное безобразие, явилось, казалось, раньше времени и грело землю с двойным усердием. Генрих был разбужен чьим-то горячим дыханием в лицо и влажным поглаживанием левой щеки. Он открыл глаза и увидел волосатую морду собаки, старательно вылизывающую его левую щеку. Северов сел, осмотрелся, поиграл привычно бицепсами обеих рук и почувствовал упругость во всем теле.

– Какая же благодать – крепкий сон без тревог и помех! Сегодня в этом, Цыган, твоя заслуга. Я на тебя положился, и ты меня не подвел.

Цыган несколько раз переступил передними лапами, смущаясь от похвалы.

Завтрак был сродни ужину накануне с той лишь разницей, что Цыган предпочел на сей раз свою порцию каши со свиной в сухом виде. Затем двинулись в путь. Цыган впереди, его новый хозяин – следом. Рядом с собакой Генрих вполне походил на местного жителя.

Было за полдень, когда они поднялись по узкой тропинке в гору и, сделав несколько шагов вперед, остановились на краю обрыва. Прямо под ногами Северов увидел заброшенное, тесненное с обеих сторон лесом кладбище. За ним тянулась проселочная дорога, ведущая в город, по одну сторону которой выстроились несколько домов, развернутые, видимо, по философским соображениям, окнами в сторону кладбища.

Солнце преодолело высшую точку подъема и, совершив все положенные на день деяния, с чистой совестью двинулось в обратный путь за линию горизонта. Генрих заспешил. Сделав несколько шагов к заросшему кустарником спуску, он обернулся. Прижав уши, низко опустив голову и виновато помахивая хвостом, Цыган с места не двинулся. Видимо, тяжелые воспоминания о городской жизни, связанное с потерей любимых хозяев и причиненных незнакомыми обид, заставили его покинуть город, предпочтя голодную жизнь.

Генрих вернулся, потрепал собаку по шее.

– Ты прав, мудрый пес. Тебе пока возвращаться туда незачем. А мне – надо. – В знак согласия Цыган дважды лизнул руку Генриха.

– Вот и прекрасно! Северов достал оставшиеся две пачки брикета, распечатал и положил перед Цыганом. Тот глянул с упреком и отвернулся. «Отношения с друзьями выше сытости».

– Верно. Но у меня есть деньги и язык. Спустишь сейчас в город и найду себе пищу, а тебе, брат, сложнее.

Генрих еще раз потрепал Цыгана за холку, повернулся и стал спускаться вниз, цепляясь за ветки кустов и высокую траву.

Оказавшись в самом низу, у кладбищенской изгороди, он повернулся и в последний раз глянул вверх.

Вытянувшись во весь свой могучий рост, Цыган выглядел снизу на фоне безоблачного голубого неба словно высеченный из цельного камня монумент, установленный на пьедестале с надписью «Наказан за преданность».

Прослушав эфир, Северов пришел к выводу, что его продолжают искать в квадрате посадки. Это, несомненно, его успокаивало, но не настолько, чтобы он вновь вышел из леса. Конечно, идти по бездорожью труднее, но зато безопасно. Согласно карте лес примыкал непосредственно к первым строениям города. На самом деле крайние дома отделяло от леса старое заброшенное купеческое кладбище, которое так заросло, что само стало частью леса.

Северов шел осторожно по заросшим дорожкам между огромными плитами с едва сохранившимися надписями. Судя по всему, здесь в свое время хоронили городскую знать. Дорогие надгробия из мрамора и камня, подмытые грунтовой водой, разъехались и напоминали теперь развалившиеся в разные стороны зубы, украшавшие неухоженный человеческий рот. Кладбище заканчивалось полуразрушенной чугунной оградой, за которой следовала хорошо накатанная проселочная дорога с выстроившимися вдоль нее сельскими домами. Ближайший к кладбищу выглядел по сравнению с остальными, посеребрившими от времени, молодцом, хотя по возрасту вряд ли уступал им. На фасаде, рядом с лестницей, ведущей в дом через террасу, табличка с аккуратно выведенной цифрой, белой на голубом фоне, «четырнадцать». Итак, все совпадало: дом, номер, улица. Непонятна до конца была лишь роль, выбранная хозяином в этой суровой игре, которую называют войной.

О том, где и когда должен приземлиться Северов, Центр поставил в известность только его, Кторова, с задачей оказать парашютисту помощь, если она понадобится. Пока в таковой Северов не нуждался, однако сомнения в отношении Кторова закрались с момента посадки на земле псковской. Откуда противник мог узнать о времени и месте высадки Северова? Предательство в Центре – исключалось. Советская власть жестко контролировала сама себя. Значит?.. То, что противник вел себя безответственно в эфире, Северов объяснил издержками успеха немцев на фронте, которые, как правило, порождают излишнюю самоуверенность на всех уровнях.

Он опустился на полированную черного камня надгробную плиту, со всех сторон заросшую кустарником. От камня по всему телу распространилась приятная прохлада. Судя по нехоженным дорожкам, кладбище было заброшено давно и без надежды на возрождение: разрушенные ограды, покосившиеся памятники и поросшие кустарником могилы – лучшее тому подтверждение.

Чтение надгробных надписей – процесс неизбежный, даже если они повторяются в разных городах, уже отполированные временем. «Приятель, стой! Когда-то я, как и ты, среди могил ходил и надписи читал, как ты теперь читаешь. Надеюсь, ты намек мой понимаешь?»

Намек Северов понял, но реагировать на него не стал. Сейчас его интересовал хозяин дома, преподаватель физкультуры местной школы Кторов. Он вспомнил две выдержки из его личного дела, написанные заведующей учебной частью школы. «Питает слабость к хорошеньким ученицам, в отношении которых допускает вольности». Тут же завуч отмечала, что Кторову недостает общей культуры, вследствие чего он постоянно путает портреты Леонардо да Винчи, Менделеева и Карла Маркса.

С началом войны все эти отрицательные характеристики Кторова отступили на второй план по сравнению с его познаниями в области радиосвязи. Поэтому было принято решение от службы в армии Кторова освободить и на случай прихода немцев использовать его в качестве радиста в тылу противника.

Оккупация страны всегда ставит ее народ перед выбором: бороться с оккупантами, идти к ним в услужение или просто тихо ненавидеть, дожидаясь иных времен.

Размышления Северова были прерваны появлением на веранде дома хозяина. Кторов был одет почти празднично: рубаха-косоворотка с вышитым стоячим воротничком, поверх нее пиджак темно-серого цвета, темные добротные брюки, заправленные в сапоги. Он сказал что-то, видимо, не очень приятное вышедшей вместе с ним женщине. Та сложила губы в трубочку в знак обиды и тут же удалилась.

Хозяин не спеша обошел дом, заглянул в сарай и, замкнув прогул очно-инспекционный круг, вновь поднялся на веранду. Постояв недолго, скрылся за дверью.

«Видимо, куда-то собрались», – мелькнуло у Северова в голове, но события тут же опровергли догадку.

Из-за лесного поворота слева послышался приближающийся рокот мотора.

Мотоциклист с коляской, в которой гордо восседал пассажир в форме немецкого офицера, лихо подкатил к крыльцу дома Кторова. На шум мотора дверь открылась и на крыльце появилась хозяйка.

Она уже переделалась и выглядела празднично. Ярко накрашенные губы, шестимесячная завивка, белая блузка с синей юбкой сделали ее неотразимой, по крайней мере, в пригороде Пскова.

Немец легко взбежал по лесенке, едва заметным кивком ответил на приветствие встречавшей его хозяйки и поспешно прошел через веранду в помещение.

Итак, расстояние между сомнениями и уверенностью заметно сократилось. Северов отошел глубже в лес. Картинка, наблюдаемая им, соответственно уменьшилась, однако вход на веранду и лесенка целиком оставались в поле его зрения. Немецкий офицер не был расточителен во времени и появился в сопровождении хозяев минут через двадцать. Едва заметно кивнул, сел в мотоциклетную люльку, и гордая фигура скрылась в клубах дорожной пыли.

Хозяйка, обделенная должным вниманием, плюнула с отчаяния на землю и пошла в избу. Хозяин, напротив, опершись обеими руками на невысокую ограду, некоторое время внимательно разглядывал лес, изнывающий от жары и безветрия. Взгляд его дважды скользнул по хвойным веткам, укрывавшим Северова. Отклони он одну из них и, возможно, их взгляды встретились бы.

«Что ж, рано или поздно нам все равно придется посмотреть друг другу в глаза. Однако всему свое время».

Видимо, результаты наблюдения успокоили Кторова. Он погладил несколько раз правой рукой еще не отросшую бородку, повернулся и побрел в дом.

Итак, действие закончилось. Подозрение перешло в уверенность, и дальнейшее пребывание на заброшенном кладбище теряло всякий смысл.

Пройдя по лесным тропам километра четыре, Северов выбрался на проселочную дорогу и почти сразу услышал скрип колес, а затем перед ним явилось чудо: старая двуколка, плохо и грязно выкрашенная в черный цвет, а также рыжая, не по годам резвая лошадка. И уж совсем непонятный по возрасту, социальному положению и душевному состоянию небольшой мужичок, одетый в черный старинный камзол, брюки, безразмерно большие сапоги, извлеченные из прабабкиного сундука.

Поравнявшись с Северовым, он остановил лошадь и предложил страннику сначала выпить, а потом подвезти его. Северов настоял на обратном порядке, занял место рядом с лихим кучером, и они тронулись в путь.

Владельца рыжей кобылы совершенно не интересовала личность Северова, что вполне компенсировалось страстным желанием побольше рассказать о себе.

– Слушай, мил человек, ты не думай, что я какой-нибудь там непутевый. У меня, так сказать, голова послабже, зато руки золотые. Могу, что хошь: дом поставить, печь сложить, забор соорудить. Мы с женой даже при Советской власти до войны ладно жили. Вот детей Господь не послал, но тут власть, пожалуй, не причем, это уже от Бога. А потом она от грусти по детям померла. – Он остановил лошадь, вынул из-под сиденья штоф и два старых лафетника. – Давай помянем настоящую русскую бабу Варвару, жену мою.

– Может, до дому отложим? – робко предложил Северов.

– О! Это правильная задумка. Ты мне вроде как брат становишься. Едем ко мне и там как следует помянем, а сейчас по махонькой, по половиночке. Мне, понимаешь, тверёзвому оставаться без Варвары страшно. Уважим ее память, и дальше поедем.

В России к покойникам всегда относились лучше, чем к живущим, поэтому пришлось согласиться.

– Скажи, а у вас немцы в деревне есть? – поинтересовался невзначай Северов.

– Какие немцы? – почти обиделся возница. – У нас деревня, значит, промеж двух болот лежит и между ними одна дорога идет. Приезжали к нам один раз четыре немца на мотоциклах с переводчиком. Собрали народ, говорят: «Теперь будете жить по новому порядку, то есть по германскому».

Что имелось в виду в данном случае, говоривший даже через переводчика объяснить не успел. Неведомо откуда над селом нависли тучи, и начался сильный дождь.

– Староста подошел к старшему из приехавших и говорит, если они сейчас немедленно не тронутся в путь, то дорога через полчаса будет непроезжей, а другой здесь нет. Немцы заспешили, схватили по дороге несколько кур и исчезли. И с тех пор ни разу не возвращались к нам. Размытая дорога для нашего села – спасение. Да ты сам увидишь.

Он готов был предаться своим мыслям, но долгое молчание оказалось для него невыносимым.

– Слышь-ка, я скажу тебе прямо, Советскую власть я не шибко жаловал, но когда я этих увидел, да еще в городе в комендатуру попал и чуть было в Германию не загремел на работы. Нога сухая спасла. А то бы сейчас...

Он остановил лошадь и вновь полез в сиденье. Северов воспротивился:

– Послушай, ты меня, кажется, к себе домой пригласил. Не так ли?

– Справедливо.

– Так чего мы здесь на дороге базар устраивать будем. Вот приедем, за стол сядем и полюдски помянем жену твою.

– И то верно. Меньше половины осталось. – Он не без труда водрузил себя на прежнее место. – Ты вот что, мил человек, поживи у меня, пока я с одиночеством обвыкнусь. Глядишь, постепенно и война кончится, этих бусурманов восвояси попрут.

– Ох, не просто это будет. Видел ты, какую силищу немцы нагнали: броня к броне.

Он как-то криво улыбнулся.

– Это ты Россию, видать, плохо знаешь, городской ты, поэтому и не ведаешь, что в России творится. Ты как себе думаешь, кто против немца воюет, городские что ли? Крестьянин против немца стоит. Где генерал, где рядовой – всё равно из крестьян. Ум у него крестьянский, понимаешь? Он, так сказать, особый. А немец-дурак попался. Я о нем раньше лучше думал.

– Это почему же?

– Пришел не куда-либо – не в Африку какую-нибудь, а в Россию.

– А ему какая разница, он вон, смотри, пол-Европы подмял.

– Так Гитлер – сам Европа, поэтому они под него так легко и легли. Он ведь Европу в мягких штиблетах прошел, а на Россию двинулся – переобулся в сапог с кованым каблуком. Будь я Гитлером, я бы всё наоборот сделал.

– Интересно как?

Лошадь тем временем замедлила шаг, подходя к дорожной развилке. Хозяин, увлеченный рассказом, давно бросил вожжи, и теперь ей самой надо было решать: продолжать двигаться прямо или повернуть направо.

– Послушай, – засуетился Северов, – дай понять лошади, куда идти.

– Думаешь, она сама не знает, куда ей идти?

Чтобы прекратить препирательства в ее адрес со стороны сидевших в повозке, лошадь резко повернула направо и, почувствовав приближение дома, весело побежала рысью.

– Во, смотри, коль домой, то и погонять не надо.

Миновали перелесок, и дорога стала извиваться, выбирая себе твердый путь между небольшими заболоченными водоемами. Кончились болота, начался подъем, а вдоль дороги с обеих сторон – аккуратные деревенские избы с зелеными палисадниками, резными наличниками и ухоженными участками позади домов.

Северов, будучи на фронте, насмотрелся на сожженные войной деревни и такое, хотя бы внешнее благополучие, поразило его. Лошадь весело пробежала по центральной улице и остановилась у ворот крайнего дома.

Изба внутри оказалась на редкость чистой. Самодельные дорожки из разноцветных кусков материи разбегались в разные стороны по полу. Одна вела к столу, другая – в спальню, а третья – к печи. На одной стене – выцветшие коричнево-белесые фотографии.

– Вот она, моя несравненная. – Он подошел, перекрестил и поцеловал фотографию женщины, стоящей в полный рост и одетой в какой-то бархатный зипун. – Вот представляю тебе мою любимую. А теперь, давай, садись за стол и выпьем в память о ней.

Раздался стук в окно. Северов знал, что в деревнях обычно гости стучат в окна, а в городах – в дверь. Он опустил руку в карман куртки и нащупал пистолет.

– Да ты не волнуйся, это моя племянница за домом присматривает, а сама в соседнем живет.

Родственница оказалась молодой женщиной лет тридцати пяти, беловолосая, с улыбающимися глазами.

– Это мой напарник, – представил хозяин гостя.

– Я тебя, дядя Миша, с утра жду, а ты вон за полдень приехал.

Упреки женщины дядя Миша перенес легко.

– Ты вот что, Клавдия, мы с приятелем сегодня полдня на дороге маемся, неплохо было бы что-то пожевать.

– Я, Михаил Арсентьевич, вам с утра еще тыкву запарила с пшеном.

Хозяин достал бутылку и разлил самогон по стопкам.

– За Варвару Федоровну. – Он повернулся к фотографии, выпил, потом посчитал, что Варвара заслуживает большего, выпил ещё одну.

Тыква с пшенной кашей оказалась блюдом царским.

– Да вы ешьте, не стесняйтесь, – Клавдия подвинула чугунок ближе к Северову.

Хозяин тем временем опустошил еще две стопки. Теперь, правда, уже без упоминания покойницы.

– Ты вот, видать, человек городской, то бишь, образованный. Скажи мне прямо, на кой дьявол немец к нам сюда пришел?

Приученная не участвовать в мужском разговоре, Клавдия отошла к печке и устроилась там на лавке. Хозяин же положил левую руку на стол, а правую оставил свободной, поскольку, жестикулируя ею, можно было точнее выразить мысль.

– Я тебе вот что скажу, дорогой мой гость. До прихода к нам немцев я думал о них лучше. У нас вот в совхоз до войны трактор немецкий пригнали, «Фордзон» назывался. Советская власть где-то по дешевке прикупила. Так это же зверь, а не конь, 50 лошадиных сил. На нем пахать, бороновать, возить, чего хочешь делать можно. На нем одном пол-России перепахать можно. Так вот тогда я немцев зауважал.

– А сейчас что же?

– А сейчас всё по-другому. На прошлой неделе немцы согнали на базарную площадь человек пятьсот жителей. Ну вывели мальчишку и девчонку, лет по 13–14, соорудили помост с виселицей, подняли туда этих двух подростков. Я стоял во втором ряду. Глянул, ну дети. Он – в кепочке, она – в платочке. И пожилой немец, лет за пятьдесят, седой весь, спокойно, без всякого сомнения, по-деловому накинуд детям петли на шею. Потом я спросил у народа, за

что их повесили? Сказали, будто ребята отвернули зеркало и какие-то другие побрякушки с немецкой автомашины.

Рассказ стоил хозяину больших усилий, поэтому, закончив его, он рухнул головой на стол рядом с тарелкой.

Клавдия словно ждала этого момента. Ловко подсунув голову под безжизненно висевшую правую руку хозяина, она взвалила его на плечо и поволокла к кровати.

Северов привстал, чтобы помочь женщине, но был остановлен суровым жестом, гласившим: «Не следует вмешиваться в дела семейные».

– Чаю хотите? – вернувшись, поинтересовалась Клавдия.

Отказываться было бесполезно, поскольку одновременно с вопросом она поставила на стол уже наполненный чаем стакан.

– Вы насколько же к нам пожаловали? – довольно бесцеремонно поинтересовалась она.

– Завтра утром постараюсь на поезд в Минск сесть. Домашние наверняка волнуются, надо поспешить.

– А спать вас где укладывать? В избе или, может быть, в сарае на свежем сене?

– На сене, конечно.

Густой запах свежескошенной и подсушенной на солнце травы был ему наградой за правильно сделанный выбор. Простыня, брошенная на сено, выглядела соблазнительно. Отход ко сну был желанным, но пока преждевременным. Северов внимательно наблюдал сквозь щели сарая за всем, что происходило снаружи.

Свет в доме погас, и Клавдия, громко шлепая по земле деревянными сандалиями, отправилась в свой дом.

Скоро и там погас свет.

Северов погрузился в собственные размышления.

Итак, факт сброса Северова в районе Пскова не без помощи предателя зафиксирован противником. Теперь его будут искать, постоянно наращивая силы до тех пор, пока не обнаружат живым или мертвым. Тут никаких иллюзий и быть не может.

«Значит пришла пора выполнять задание», – подумал Северов.

Северов закрепил наушник и рухнул на простыню. Сено послушно расступилось, приняв его тело в свои объятия.

Засыпал он под музыку и разноязычную речь, доносившемся из правого уха. Левое свободное, ухо улавливало совсем иные звуки. Где-то в основании стога мыши затеяли непристойную оргию, сопровождавшуюся отчаянным писком и другими проявлениями мышиных страстей. Однако его сознание было настроено совсем на иной лад и потому не реагировало на фриivolности, проявляемые фауной.

И только под утро, когда та часть мозга, которая отвечает за безопасность, среагировала на прозвучавшие в эфире слова, он очнулся.

* * *

– И все же куда он мог запропасться? Наши его никак обнаружить не могут, – спросил один голос.

– Забрался в постель к русской бабе, и сейчас они развлекаются на пуховой перине, – ответил другой.

– Но для этого не надо было прыгать с парашютом и бегать по лесам. В Москве наверняка достаточно неудовлетворенных женщин, готовых распахнуть не только двери своих спален, но и нечто большее. – Оба захихикали, возбужденные собственной похотью.

Сильные помехи в эфире сначала отдалили голоса, а затем они исчезли вообще. Но уже услышанного было вполне достаточно, чтобы Генрих остро ощутил, что пришло время при-

нять решение. Он даже удивился, что потратил кучу времени на осмысление других, заведомо непригодных вариантов.

Сомнения терзают душу, принятое решение дает уверенность. Северов настроил передатчик и за какие-то доли секунды выбросил в эфир зашифрованный цифрами текст: «Создавшейся ситуации перехожу вариант два». После чего переключил аппарат на прием и неожиданно скоро получил спокойный ответ: «Подтверждаем полученное сообщение. Действуйте по обстановке. Платон».

«Спасибо, дорогой генерал. Это то, что мне сейчас нужно».

Северов быстро скрутил антенну и уложил вместе с приемником в сумку. Глянул в щель и удивился: вместо лунного света сквозь узкие прорезы в сарай прорывались ранние лучи солнца. Генрих прислушался: ночная жизнь в сарае замерла, мышиная возня прекратилась.

Выйдя на улицу, он мысленно поклонился сараю, приютившему его на ночь, и направился за огородами к лесу. Параллельно по главной улице деревни двигалось стадо коров, которые выглядели невыспавшимися и брели с безразличным видом к месту выпаса. Немногим бодрее смотрелся пастух. Он шел за стадом, едва переставляя ноги, обутые в безразмерные ботинки, унаследованные от далеких предков. Старая потрепанная шинель времен одной из многочисленных войн, пережитых Россией, урезанная в пол длины и униженная временем, выглядела на его плечах жалкой пародией на военное обмундирование.

Солнце лишь наполовину поднялось над деревьями, когда Северов, проделав длинный путь через лес, подошел к железнодорожной насыпи.

На ближайшем к нему пути стоял железнодорожный состав из двух платформ, груженный изуродованными немецкими танками. У большинства отсутствовали гусеницы, у других – башни словно шляпки модницы были сбиты набекрень. А у одного была отбита половина орудия, а оставшаяся часть беспомощно торчала из башни, словно обрубок искалеченной руки.

Перед глазами встал капитан Дубровский из ресторана «Савой». «Для меня штрафбат – это курорт. Понимаешь? У нас, истребителей танков, задачка гораздо серьезнее. Выходишь с этой железякой один на один. Или ты ее, или она тебя».

То, что он с презрением называл могучую бронированную машину «железякой», вызвало у Генриха уважение к этому бесстрашному парню. Какую очередную бронированную машину превращает он теперь в металлолом? Или уже превратил. Дай Бог тебе выжить, отчаянный человек!

Небольшой маневровый паровозик, прозванный в народе «кукушкой» за свой ненавязчивый гудок, стоял под парами, послушно пропуская мчавшиеся мимо эшелоны, груженные немецкой техникой и людьми.

Пожилой машинист в засаленной робе спустился на землю и ветошью, пропитанной маслом, как и его одежда, с любовью протирал рабочие детали своего любимца. Никого вокруг не было. Сопровождать хлам на колесах немцам в голову не приходило. Дождавшись, когда машинист перейдет на другую сторону, Северов быстро поднялся по насыпи, легко запрыгнул на платформу и устроился между двумя калекami. Парадоксально, но сейчас, под защитой вражеской брони, он почувствовал себя уверенно.

К тому же в этот момент «кукушка» издала соответствовавший ее габаритам писклявый звук и потащила за собой обе прицепленные платформы, да так резво, что на исходе часа пути миновала сортировочную и, резко снизив скорость, подкатила к ремонтным мастерским. Северов спрыгнул на землю и по замасленным шпалам направился в сторону города.

Проходя мимо двух работяг, разгружавших при помощи какой-то примитивной стрелы тяжелые стальные железнодорожные колеса, насаженные на ось, Северов, как положено, поздоровался. Увлеченные делом рабочие не удосужили его вниманием.

Он не обиделся и, миновав пару кварталов, вышел на рыночную площадь и взглянул на городские часы. Без четверти десять. Идти до цели оставалось не больше десяти минут. Кстати,

задерживаться на базарной площади не стоило. Рынки были излюбленным местом активности немецких комендатур в оккупированных городах. Не желая испытывать судьбу, он поспешил покинуть сомнительное место.

Через десять минут он очутился перед зданием, в котором находилась немецкая военная разведка и контрразведка.

В Москве имелись чертежи этого здания с подробным описанием помещений, подвалов, коридоров и коммуникаций, обеспечивавших его жизнеспособность. Северов внимательно изучил все поэтажные планы здания, а потому уверенно преодолел нужные четыре ступеньки и оказался лицом к лицу с охранявшим вход солдатом, который был на полголовы ниже его, но зато в каске и с автоматом, висевшем на груди. И при исполнении служебных обязанностей.

– Я к господину Гофмайеру.

Солдат был удивлен, что пришедший с виду русский заговорил на его языке, однако быстро взял себя в руки и нажал кнопку. Дверь вскоре открылась. Человек в форме лейтенанта молча выразил удивление в связи с появлением незнакомца, а на словах поинтересовался у Генриха о цели его визита.

– Я должен доложить господину Гофмайеру крайне важную информацию.

– Вы можете доложить ее мне, и информация точно попадет тому человеку, который решает эти вопросы.

– Простите, но эту информацию я должен передать лично господину Гофмайеру.

Во всех службах мира конспирация стоит выше любых человеческих отношений, и тем не менее какой-то обидный осадок при этом остается. Лейтенант машинально прикусил нижнюю губу.

– В таком случае пройдите в эту комнату и ожидайте вызова, – он сделал паузу и, не сдержавшись, добавил: – Если вы, конечно, понадобится.

Время текло медленно. За дверью слышались шаги входящих и выходящих людей, доносились отдельные, ничего не значащие фразы. Однако для философских размышлений сейчас было не время. Нужно было еще раз хорошенько продумать разговор с Гофмайером.

* * *

Всего два месяца назад Григорий устроил для Северова весьма полезное, хотя и странное свидание с двумя русскими, попавшими в плен и завербованными немцами. Оба были сброшены с немецкого самолета в районе города Ижевска, где родились и откуда были призваны в Красную армию. У обоих было одно и то же задание: собирать информацию по оборонным заводам, расположенным вокруг города. Немцев интересовало все: от качества стрелкового оружия, выпускаемого здесь на заводах, до настроения населения в регионе. Оба были арестованы советскими органами сразу же после приземления, что невероятно обесценило выдвинутую ими версию о намерении сразу явиться с повинной. Теперь судьба обоих была в руках советских следователей, у которых был широкий диапазон выбора – от расстрела до полной реабилитации и направления вновь в боевые части. В промежутке между крайностями могли оказаться тюрьма, лагерь, штрафной батальон – каждый вариант являл собой иной шанс на выживание.

Допрос вели двое. У одного были наушники, через них Северов мог передать вопрос арестованному, оставаясь в соседней комнате.

– Кого из высшего руководства абвергруппы «Север» вы знали лично?

Арестованный Федулов, громадный детина двухметрового роста с мрачным лицом и маленькими глазками, с непропорционально большой челюстью, которую с видимым трудом приводили в движение какие-то внутренние силы, не спеша рисовал достаточно мрачную картину своего пребывания в плену, а затем и в немецкой разведшколе.

Несмотря на простоватый деревенский вид, говорил Федулов как городской житель, но растягивал слова, а потому производил впечатление тугодума.

– Из немецких высших чинов мне неоднократно приходилось встречаться с Кляйном и один раз – с руководителем абвергруппы «Север» Гофмайером. Во время последней встречи перед самой отправкой в Россию он сильно меня унизил.

– А именно?

– Он сказал: «Учти, Федулов, там, в России, выполняя наше задание, тебе придется действовать не кулаками, как ты привык, а мозгами, а это нечто совсем другое. Ты меня понимаешь?». Я тогда, честно говоря, обиделся, но не подал виду. Мне главное было от них вырваться, а здесь, дома, все одно в землю ложиться придется рано или поздно. Важно, что теперь уж в свою.

– Послушайте, Федулов, я не о вас говорю. Меня Гофмайер интересует.

– Немец как немец. Худший вариант. Немцы – народ трудолюбивый, и дома, и жизнь строят добротно.

– Я не про нацию, а про Гофмайера спрашиваю!

– Нация, как дерево. На нем нарост образуется, который большую часть соков из дерева высасывает для себя, а тому почти ничего не оставляет.

– Стоп, – прервал его следователь, – вы постоянно отклоняетесь от главной темы, которая нас интересует, Гофмайер.

– А что Гофмайер? Я уже вам сказал – слизник. Сейчас, пока он наверху людьми распоряжается, смотрится человеком, а вот попади он, скажем, в нашу ситуацию – стал бы сапоги хозяевам лизать, лишь бы его не били да голодом не морили. Но если дать ему власть над другими, то лютовать будет. Притом сам бить не станет, чтобы руки не запачкать, а подберет народ, который этим делом займется, а он останется в белых перчатках и при чистом платочке.

Второй диверсант Виноградов, хотя и был земляком Федулова, но являлся ему полной внутренней и внешней противоположностью. По профессии сельский учитель, то есть местный интеллигент, но большую часть жизни проработал местным судьей. В людских душах копать любит и умеет.

– Гофмайер? – глаза у него живо забегали, как у ученика, вытянувшего на экзамене удачный билет. – Гофмайер – это как раз тот немецкий начальник, с которым мне довелось общаться больше, чем с другими. Он нередко вызывал меня, когда не мог разобраться в способностях русских кандидатов выполнить задание, которое он собирался перед ними поставить. Характеризуя людей, я помогал им выпутаться из паутины, которой он их опутывал.

– Ну а самого Гофмайера как вы можете охарактеризовать? – спросил в наушниках Северов.

– Средний немецкий бюргер, как и большинство его однокашников, использовал свое единственное достоинство – рано признался в собственной бездарности и, чтобы компенсировать этот недостаток, вовремя примкнул к нацистскому движению. Да что я вам рассказываю! Бездарность может сделать карьеру, лишь вступив в партию.

– Виноградов! Думайте, что говорите! – прервал его следователь.

– Так я же про Германию говорю! А у нас с этим все в порядке.

– А что представляет собой Гофмайер как личность? – вновь поинтересовался Северов.

– Начнем с того, что это вовсе не личность, а скорее безликость. Биографии его я, конечно, не знаю, известно только с его слов, что он во время Первой империалистической служил в армии, был легко ранен и чуть не попал в плен.

– Кто для него кумир – Гиммлер, Гейдрих или?

– Ни тот, ни другой. Его кумир – непосредственный шеф, адмирал Канарис, о подвигах которого он может рассказывать в своем кругу сутками. Вторым его героем является рейхс-маршал Геринг. Во время Первой мировой войны маршал прославился как летчик-ас, сбив-

ший наибольшее количество самолетов противника и сейчас незаслуженно отодвинутый на второй план.

– А что еще вы можете добавить к образу Гофмайера?

– Как все серости, пролезшие наверх, он хотел бы не так быть, как казаться личностью, для чего и прилагает массу усилий, понимая, что необходимых качеств для того у него нет или как минимум недостаточно.

* * *

Дверь неожиданно открылась, и в проеме появился дежурный офицер. Вид у него, как и прежде, был надменный.

– Следуйте за мной, – сухо бросил он. Северов повиновался, и они вместе поднялись по лестнице на второй этаж. Подойдя к единственной двери, лейтенант осторожно стукнул всего один раз и тут же открыл. Просторная комната освещалась яркими лучами утреннего солнца, проникавшими через два больших окна слева.

Справа от стола – могучий стальной сейф, который в добрые времена хранил деньги, а теперь, судя по всему, души человеческие.

– Господин полковник, согласно вашему указанию доставлен задержанный.

– Извините, господин полковник, меня никто не задерживал, я явился к вам добровольно и у меня конфиденциальное сообщение. – Северов покосился на сопровождающего.

– Франц, вы свободны, – полковник поудобнее устроился в кресле. – Слушаю.

– Господин полковник, я пришел, чтобы... ликвидировать вас. – Северов говорил медленно, точно синхронизируя слова с действиями. Он извлек из кармана пистолет, ловким движением большого пальца выпустил из ручки магазин с патронами, который с грохотом шлепнулся на стол, положил рядом оружие и сделал шаг назад. – Но я решил поступить иначе.

Полковник преодолел шок, вызванный внезапностью, много быстрее, чем можно было ожидать. Как бы в подтверждение этого он небрежно переместил локтем в сторону пистолет и обойму, выложенные Северовым на край стола. Это был привычный жест, которым он сбрасывал в мусорную корзину бумаги, ставшие ненужными на столе.

– Я готов помочь вам свести на нет гнев вашего начальства.

– Вы? Моего? Каким образом? – брови полковника поднялись вверх, отчего выражение его лица стало насмешливым.

– Моим присутствием здесь.

– Боюсь, молодой человек, у вас завышенная самооценка. А у меня – заниженное количество времени, чтобы тратить его так безрассудно. Поэтому будет лучше, если вами займется наше специальное подразделение. – Теперь в насмешливую гримасу включились уголки рта, а в голосе появились нотки раздражения.

– Лучше не будет, господин полковник, поскольку я тот самый русский парашютист, от поимки которого зависит... именно... ваше...

– Что?.. – полковник подался всем телом вперед, выкатил глаза и уставился на Северова. – Повторите еще раз то, что вы сказали.

– Я – русский парашютист. Имею, помимо прочих заданий, ликвидацию вас лично. Но, как уже сказано раньше, рассудил иначе.

Полковник на мгновение замолчал, тупо глядя перед собой. Было видно, как он старается привести в порядок нахлынувшие на него эмоции.

– Почему выбор пал именно на меня?

– Вы входите в число наиболее опасных для Москвы людей.

– Так считаете вы?

– Так оценивают вас военные и политики в Москве.

- А почему вы решили перейти на нашу сторону?
- Я перешел на свою сторону. Я немец, мать моя немка, родом из Саксонии.
- Значит, немецкий язык оттуда.
- Совершенно верно.
- А откуда вы взяли тему о гневе моего начальства?
- Извините, господин полковник, но ваше начальство не проявляет особой конспиративности, находясь на занятой территории. Это известный синдром победителя. Тут ничего не поделаешь.
- То есть?
- С момента приземления и до вчерашнего дня я прослушал достаточно много переговоров, звучавших в местном эфире. И это с помощью обычного приемника. Поверьте, благодаря ему я мог бы скрываться от преследования еще долгие месяцы, а то и годы.
- Предположим, – нехотя согласился полковник. – Ну уж если вы действительно «оттуда», то должны быть в курсе, какое представление сложилось там, у вас, о нашем командовании и об отдельных его частях, в особенности после нашей попытки «сходу» взять Москву.
- Полное представление, в том числе и о вас лично.
- Обо мне? Откуда?
- От людей, проходивших подготовку под вашим личным руководством и позже заброшенных в российскую глубинку.
- Вы хотите сказать, что они были перевербованы.
- Нет. Они не перевербованы, а арестованы и дали подробные показания на всех, с кем имели дело.
- Интересно.
- По этим материалам был составлен список немецких руководителей, наиболее опасных для Советской власти. В том числе, и по псковской группировке.
- Моя фамилия, естественно, стоит в этом списке, не так ли?
- Нет, не так, – жестко отрезал Северов.
- А как?
- Северов, словно опытный режиссер, знающий цену осознанного молчания на сцене, несколько затянул паузу.
- Простите, нельзя ли немного воды?
- Что-о? Воды? – не сразу понял полковник. – Ах, воды!
- Он взял сифон с газированной водой, наполнил стакан на три четверти и поставил на стол.
- Опустошая стакан, Северов с высоты запрокинутой головы увидел напряженное лицо полковника.
- Вы не вошли в список, вы возглавили его. По крайней мере по северной группировке.
- Полковник оттолкнулся обеими руками от стола, упал на спинку кресла и на мгновение закрыл глаза. Приятные мгновения проходят быстро.
- Так-так... Ну и что дальше?
- А дальше я намереваюсь выполнять ваши указания.
- Что ж, это похвально. – Он отбарабанил на столе какую-то одному ему известную мелодию. – В таком случае вам сейчас предоставят комнату, дадут бумагу, и вы изложите слово в слово всю эпопею с начала до конца. С биографическими и прочими подробностями! Так, как вы рассказывали мне. Упомяните об оценках, которые дают в Москве нашим службам и их руководителям. В том числе обязательно и подробно все, что касается меня лично. Вы меня поняли?
- Так точно, господин полковник, – Северов впервые отрапортовал немецкому офицеру и сделал это, судя по всему, вполне грамотно, ибо это не вызвало никакой реакции.

* * *

Жизнь на первом этаже шла своим чередом. Люди в штатском, но с военной выправкой и в форме различных родов войск, появлялись в холле, иногда бросая несколько малозначительных слов сидевшему за столом дежурному, и исчезали в просторах здания.

Даже из мимолетного наблюдения за происходящим становилось очевидным, что в отличие от армии ни форма, ни даже знаки отличия не играли здесь решающей роли. Предпочтение отдавалось содержанию.

Северову выделили небольшую, но весьма уютную комнату. Единственное окно выходило в одичавший от неухоженности сад. Мебельный гарнитур – сборный. Большой диван с миниатюрной монограммой производителя на польском языке, стол массивный, с резными ножками под стать немецкому, хоть и сделан в Чехии. Стулья с изящно гнутыми деревянными спинками – из Вены.

Лейтенант, сумевший уловить, что отношения между начальством и этим человеком весьма непростые, был на сей раз хоть и сдержан, но вежлив.

– Пожалуйста, ваш рабочий кабинет. – Тут же на столе появилась пачка желтоватой бумаги, массивная стеклянная чернильница и ручка.

С первых же строк Северов знал, что трудиться ему предстоит недолго. Ему надо было не сочинять, а лишь вспоминать уже однажды сочиненное и многократно переписанное. Во всем, что касалось отработки письменной легенды, Григорий был неумолим. «Легенда должна на 99 процентов соответствовать правде, скрывается только цель». Он шесть раз поправлял написанное и в очередной раз переделанное.

* * *

Сейчас Северову предстояло в седьмой раз изложить отредактированный Григорием текст. И это было совсем не сложно. Память работала безупречно. Прошло не более сорока минут, а на бумаге была уже почти половина добросовестно восстановленного по памяти текста.

Стоп! Так быстро создаются только заученные наизусть экспромты.

Он перевернул исписанные страницы, отложил их в сторону, поднялся, подошел к окну. Молодой парень, слегка прикрывшись плодовым кустом, внимательно наблюдал за окном. И опять тот же навязчивый вывод: немцы, неизменно дисциплинированные в части исполнения приказов, инструкций и тому подобного, теперь вдруг позволяют себе неряшливость в выполнении долга.

«Победа способствует беспечности».

То ли заметив в окне движение, то ли просто от скуки, наблюдатель сменил позу и повернулся спиной к окну. Северов оценил невежливость по достоинству и вернулся к столу.

Через час биографические воспоминания в полном объеме были преданы бумаге. Прежде его школьные сочинения на немецком проверяла мать, особое внимание обращавшая на орфографию и чистописание. Русские тексты контролировал отец, которого интересовало исключительно содержание. «Великий Чехов писал с ошибками, но как писал!» – поднимал он многозначительно указательный палец.

Северов сложил исписанные листы вдвое и надписал на чистой стороне: «Для господина Гофмайера. Лично». Затем вышел в холл, положил написанное на стол дежурному, вернулся в комнату и сел на прежнее место.

Минут через сорок дверь без стука открылась, и в комнату вошла молодая особа, во внешности которой начисто отсутствовали какие-либо признаки женской индивидуальности.

Она поставила на стол поднос с тарелкой горохового супа, на поверхности которого виновато проглядывала наполовину затонувшая сосиска. Традиционный гуляш распространял по комнате такой приятный запах, что голодный Северов невольно поблагодарил девицу за доставленное удовольствие. В ответ она бросила в его сторону такой взгляд, будто он позволил себе сделать ей какое-то скабрёзное предложение.

После недели полуголодных скитаний по лесам сытный горячий обед подействовал на Северова усыпляюще. Сопrotивляясь дьявольскому искушению, он несколько раз прошёлся по комнате, глянул в окно и как бы назло бдительному наблюдателю лег на диван, повернувшись к окну спиной.

– Хочу поведать тебе одну сакраментальную тайну, – разоткровенничался однажды Григорий. – Самые талантливые сочинители легенд – это уголовники. В конце тридцатых годов мне пришлось в течение некоторого времени иметь с ними дело. И этот опыт останется со мной навсегда. Меня поразило тогда, с каким искусством и тщательностью эти порой малообразованные люди придумывали легенду и как последовательно затем придерживались ее на следствии, признавая все вторичное и отрицая начисто главное.

- По улице N шел?
- Бывало.
- Знакомого встретил?
- А как же!
- Говорил с ним?
- За жизнь – да, но недолго.
- Во двор дома номер N заходил?
- Наведался.
- Дворника, подметавшего улицу, видел?
- Не только, даже и поздоровался.
- Девочку с собачкой встретил?
- Встретил и собачку погладил.
- Поднялся по лестнице.
- Вскрабкался.
- Вскрыл отмычкой квартиру. Забрал вещи.
- Боже упаси!

Израсходовав за прошедшую неделю значительную долю нервной энергии, Северов крепко спал. Предвидя трудные времена, мозг его жадно хватался за любую возможность обрести хотя бы минутный покой.

Глава третья

Распорядиться крупной удачей, свалившейся внезапно и неизвестно откуда и сохранить при этом не только свое лицо, но и подобающую форму поведения, оказалось не так просто, как может показаться со стороны.

Анализируя свое поведение, Гофмайер был вынужден признать, что допустил несколько промахов, непозволительных для лица, занимающего его положение и должность.

Когда русский парашютист направился в сопровождении дежурного писать покаянную, Гофмайер непроизвольно поднялся с места и сопровождал его, словно почетного гостя, до дверей. Слава Богу, неведомая сила удержала его от того, чтобы вслух пожелать тому удачи. Признаться, он был близок к этому.

Оставшись наедине с собой, он несколько раз прошелся по комнате, ненадолго задержался у окна и, пройдя дальше, остановился у полки, на которой стояли четыре разноцветных томака. «Моя борьба» Адольфа Гитлера.

Ни одного из томов он не открывал, а потому и не читал, однако, знал общее содержание книги из бесед за вместительной кружкой, которые велись во время застолий единомышленников в одной из близлежащих пивных.

Он вдруг остановил ход мыслей. Сейчас нужно решать главное. Было бы полезно доложить об успехе прямо адмиралу. Но во второй раз такого местное начальство не простит. Если дать ход делу отсюда по всей положенной вертикали, то на финише от твоих заслуг останется жалкий огрызок. С другой стороны, есть строгое предписание действовать вместе с госбезопасностью. Этого избежать или обойти никак нельзя.

Перед Гофмайером вдруг предстало все то, что пришлось пережить несколько месяцев назад. Как ни странно, но краски событий не только не потускнели, но стали даже контрастнее.

В конце января 1942-го он был по делам службы в Берлине и волей случая оказался в центре грандиозных событий, которые чуть было не разрушили всю службу военной разведки, а с ней и карьеру Гофмайера.

По складу характера он относился к разряду людей, предпочитавших, как он сам выражался, «оседлый» образ жизни и, несмотря на род занятий и военное время, перемещался по земле неохотно и только в крайнем случае, и только поездом.

Однако в связи с расползавшимися слухами об активизации партизан на Украине и особенно в Белоруссии, риск перемещения в Берлин поездом по сравнению с самолетом уравнивался. Перспектива пребывать в страхе почти два дня в купе поезда или на протяжении трех часов в салоне самолета склонила Гофмайера все же к последнему варианту. И он не ошибся в выборе.

Боевой «Юнкерс-88», провисев в воздухе два с половиной часа, приземлился на центральном аэродроме Берлина «Тегель».

То ли из соображений безопасности, то ли по техническим причинам большая часть полета проходила в неровной молочно-облачной среде. Тяжелая машина постоянно проваливалась в какие-то воздушные колодцы, из которых с трудом выбиралась, вдавливая пассажиров в сиденья и будоража содержимое их желудков. Если в начале полета в салоне были слышны приглушенные голоса собеседников, то уже час спустя наступила тишина. Большая часть пассажиров молча уткнулась в гигиенические пакеты, доверяя им остатки вчерашнего ужина и сегодняшнего завтрака.

Гофмайер не любил здание аэропорта «Тегель». Внутри он ощущал себя раздавленным толстыми стенами и грандиозным, непомерной высоты потолком. Нечто похожее на то, что он испытал однажды, посетив собор Святого Петра в Ватикане. Картину несколько оживил встречавший его коллега и родственник по линии жены майор Шниттке. Это был необыкновенно

приятный молодой человек, один из немногих рано овдовевших сотрудников абвера, который переживал свое горе значительно легче, чем его окружение.

В свои сорок четыре года Шниттке готов был исправить сложившуюся ситуацию путем повторной женитьбы. Но этому активно воспротивилось женское сообщество из числа родственниц и подруг усопшей, испытывавших к обаятельному Шниттке разнообразные и неподдельные чувства.

У коллег по работе Шниттке пользовался не меньшим успехом, чем у женщин. Дело заключалось в том, что вопреки невысокому чину и небольшой должности он ухитрялся постоянно быть в курсе самых важных событий как внутри абвера, так и вокруг него, в особенности касавшихся персонально его сотрудников, в первую очередь, конечно, самого высокого ранга.

На сей раз Шниттке оказался сам за рулем казенной машины.

– Что, всех шоферов поувольняли? Не так ли?

– Нет. Я решил в честь твоего приезда сесть за руль и напомнить по пути о том, какие прекрасные места окружают столицу нашей империи.

– Что ж, похвально, только я думал...

– Вот и прекрасно, – бесцеремонно перебил Шниттке. – Домашним твоим я сказал, что мы будем около пяти-шести, раньше они нас не ждут.

Он не спеша выехал на Темпельхофердам, но повернул не вправо, к центру Берлина, а двинулся в противоположном направлении. Проехав еще немного, они оказались к Атиллаштрассе. Переехав через два железнодорожных моста, они вновь повернули направо и двинулись по небольшой, вымощенной брусчаткой дороге, минуя кладбище Штеглиц, а затем, следуя по тихой улице, обрамленной дорогами вилами, остановились у небольшой пивной на окраине фешенебельного района Берлина Далем. Пока шли от машины ко входу, Шниттке постарался коротко ввести Гофмайера в курс событий.

– Хозяин наш бывший абверовец. В самом начале войны, еще во Франции, был сильно контужен разорвавшимся поблизости снарядом. С трудом выкарабкался. К сожалению, не без последствий. И тем не менее ему повезло.

Наш шеф, адмирал, под началом которого он ходил в двадцатых годах, помог ему открыть вот это заведение, и он трогательно чтит всех бывших и настоящих абверовцев, навещающих его.

Действительно, хозяин с неподдельной радостью встретил гостей, усадил их за столик у окна с видом на парк. А сам, не проявляя навязчивости, тактично удалился.

– Желаю приятного и полезного общения! Если что – я рядом.

В пивной было пусто. Лишь два пожилых ветерана уже давно забытой бесславной войны так горячо обсуждали ее итоги, что любой, кто пожелал вслушаться в суть их диалога, невольно позавидовал бы если не нерастратченному темпераменту, то, по крайней мере, свежести памяти.

– Я не случайно, минуя дом, привел тебя сюда, чтобы подготовить к событиям, здесь происходящим.

– Мне показалось...

– Вот-вот, – перебил Шниттке, – я и говорю, у вас там на фронте кожа задубела, и вы живете не тем, что есть, а тем, что вам кажется!

Подошла молодая девица в альпийском фольклорном костюме, в белоснежном переднике с цветочками, и, не спеша поставила на стол горчицу, две кружки пива и поднос с кренделями, усыпанными, словно бриллиантами, крупными кристаллами соли.

– Ни разу не видел здесь такой красоты! – воскликнул Шниттке.

– Видели, да не замечали, – кокетливо ответила девица.

С этими словами она повернулась и пошла прочь, аппетитно жонглируя округлыми ягодицами. Шниттке проводил ее восторженным взглядом.

– Так на чем мы остановились? – переход от возвышенного к прозе давался ему теперь нелегко. – Ах, да... Для начала скажу тебе, что здесь – единственное место в Берлине, где мы можем говорить, не рискуя быть подслушанными третьим лицом.

– А третий кто?

– Главный управляющий службы имперской безопасности Рейнхард Гейдрих.

– Но насколько я знаю, адмирал был первым учителем морского кадета Гейдриха. А позже они даже дружили.

– Верно. Адмирал любит повторять: «Избавь меня от неверных друзей, а от врагов я избавлюсь сам». И стал жертвой своих проповедей.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебя вызвали, чтобы сообщить об отставке твоего любимого шефа, адмирала Канариса. И это сделает на совещании завтра назначенный руководителем абвера его бывший заместитель Бюркнер.

– Ты с ума сошел? – Гофмайер вынул носовой платок и вытер со лба капельки пота.

– Если да, то только вместе с теми, кто затеял эту грандиозную интригу против адмирала.

– И кто же именно?

Шниттке задумчиво посмотрел через окно в сад, где хозяин и два работника занимались обрезкой кустарника.

– Гейдрих каким-то образом проник в нашу агентурную картотеку и установил, что мы активно используем евреев в качестве агентов. Естественно, он показал добытые материалы Гиммлеру, который тут же положил их на стол Гитлеру. Расчет оправдал себя.

– Да уж, могу себе представить.

– Нет, не можешь. По рассказу очевидца, фюрера охватило настоящее безумие. Он вызвал главкома Кейтеля, топал ногами, кричал и в заключение потребовал немедленного освобождения адмирала от должности.

Кейтель, заслуженный генерал, был настолько подавлен всем происходившим, что не произнес ни слова. А вернувшись к себе, немедленно подписал приказ о назначении шефом абвера Бюркнера и об откомандировании Канариса на действующий флот.

– На этом закончилась и моя карьера. Теперь и меня откомандируют. – Гофмайер обхватил голову обеими руками.

– Куда? Дальше фронта уже некуда.

– Не скажи. Как говорит один опытный штабист, «Для нас, высшего командования, существуют три вида фронтовой службы: с теплым туалетом, холодным либо вовсе без». Иными словами – в продувное поле.

Воспоминание о прозе фронтового быта навело на грустные мысли.

– Послушай, дорогой мой провидец, отвези меня поскорее домой. По твоим предсказаниям, с завтрашнего дня у меня начнется новая жизнь. Хочу побыть в семейном кругу хоть немного еще при старой, более счастливой.

Последующие события полностью подтвердили предсказания Шниттке.

Когда Гофмайер на следующее утро подошел к пятиэтажному зданию на берегу канала Тирпицфур, оно впервые показалось ему мрачно-серым, лишенных каких-либо радостных цветов. Гигантских размеров дверь выглядела непосильно тяжелой. Преодолев две ступеньки и еще не взявшись за ручку двери, он оглянулся.

Небольшое пестро раскрашенное судно, казалось, с трудом протискивалось в узкое горло канала. Собравшиеся на верхней палубе подростки, одетые в форму гитлеровской молодежи, дружно пели, придавая особое внимание не столько красоте, сколько громкости издаваемых звуков. В такт знакомой мелодии Гофмайер рванул ручку двери, которая неожиданно легко поддалась.

В помещении царила тишина. Весь личный состав Центрального управления абвера собрался в актовом зале. Пока Гофмайер шел по опустевшему коридору, неизвестно откуда появился Шниттке. Едва поравнявшись с Гофмайером, он буквально выстрелил в него обойму самой свежей информации.

Утром фюрер позвонил Кейтелю и приказал проводы адмирала провести на предельно скромном уровне, как он выразился, «без фанфар».

Актовый зал был заполнен до отказа. Войдя в зал, Гофмайер попытался отыскать глазами свободное место, как вдруг все вокруг поднялись, приветствуя малознакомого заместителя руководителя абвера – Бюркнера.

Не дав команды садиться, генштабист унылым голосом зачитал приказ главкома вооруженных сил Кейтеля о назначении руководителем абвера Бюркнера. После чего удалились, оставив собравшихся в полном недоумении.

День был на исходе, когда Гофмайер зашел к Шниттке. Тот давно переосмыслил происшедшее и думал уже о будущем. Он прошелся по кабинетам и попытался поговорить с сослуживцами. Однако все, будучи в подавленном состоянии, лишь разводили руками.

– Пришло дополнение к тому несуразному приказу. Адмирал направляется на действующий флот. Фюрер сказал: «Пусть плавает подальше от берегов Германии, ближе к жидам. Вместо того, чтобы распространять здесь запах чеснока».

– Насколько я знаю, фюрер – последовательный вегетарианец, а чеснок ведь овощ.

– Запах которого фюрер не переносит.

* * *

Потекли долгие странные дни неопределенности и безделья.

Офицеры прославленной военной разведки Германии слонялись без дела из кабинета в кабинет, вяло перетаскивая за собой весьма странные слухи и догадки. О делах никто и не вспоминал.

В обстановке такой неопределенности Гофмайер решил задержаться в Берлине, насколько позволяли обстоятельства, и не ошибся.

Был неприятный холодный вечер середины февраля 1942 года. Закончив бессмысленный рабочий день, Гофмайер вышел из служебного здания и двинулся по набережной вдоль канала. Идти было противно, но ему казалось, что другого выбора у него нет, и он двигался вперед, не думая о конечной цели. Казалось, она потеряна навсегда, по крайней мере в этой жизни. Люди проходили мимо, упрятав свои лица и проблемы в высоко поднятые воротники.

– Дорогой господин полковник, – прозвучал голос над самым ухом, – приглашаю на кружку пива.

Несмотря на отвратительное настроение Гофмайера и еще более мерзкую погоду, лицо Шниттке сияло беззаботной улыбкой.

«Молодую жену похоронил всего два года назад, на службе черт знает что творится, а он улыбается», – с раздражением подумал Гофмайер.

– Спасибо, но так далеко я ехать не готов.

– И не надо! – весело откликнулся Шниттке. – Можем сегодня посидеть где угодно.

Они молча перешли по мосту на другую сторону канала, миновали несколько перекрестков и спустились в уютный подвальчик, переполненный людьми и пивными испарениями.

В зал Шниттке вошел первым, что было явным нарушением табели о рангах. Но, как выяснилось, полностью соответствовало уже сложившимся отношениям на местном уровне.

– Господин майор! Рады видеть вас в добром здравии! – громко обрадовалась хриловато-прокуренным голосом не очень молодая, но уверенная в своей вечной молодости кель-

нерша, держа в руках сразу восемь доверху наполненных пивом кружек, – стол уже ждался вас!

Мгновенно расставив принесенные кружки по местам, она ловко выхватила одной рукой из-за угла небольшой столик, приставила к нему два стула и, словно фокусник, проделавший эффектный трюк, застыла в ожидании аплодисментов.

– Для начала две кружки пива, две стопки вишневой водки, что-нибудь закусить и обязательно твою очаровательную улыбку!

– Слушаюсь, господин майор! Как прикажете! – кельнерша вытянулась, щелкнула каблучками и, развернувшись почему-то через правое плечо, удалилась. Вернулась она мгновенно.

Шниттке поднял стопку.

– Господин полковник, не забивайте вашу светлую голову темными мыслями, снимите с лица похоронную маску и замените ее ясной улыбкой.

– Ты неисправимый оптимист. Но сейчас это вряд ли нам поможет.

Гофмайер обреченно опустошил стопку и громко поставил ее на стол.

Шниттке попросил принести еще две.

– Я больше пить не буду, – отмахнулся Гофмайер.

– Это последняя, за которую плачу я. Все последующие – за твой счет.

– Последующих не будет. И вообще ты должен был бы знать, что я пью только за благополучие Германии и мое вместе с нею. А сейчас...

– Поверь мне, сейчас – тот самый случай.

Гофмайер поверил родственнику и выпил.

– А теперь слушай внимательно. – Шниттке наклонился поближе к собеседнику.

– Сегодня перед самым обедом адъютант фюрера по военным вопросам, известный тебе Герхард Энгель, пожелав фюреру приятного аппетита, неожиданно и как бы невзначай добавил:

– Было бы весьма полезно, мой фюрер, если бы вы приняли адмирала Канариса.

Гитлер молча посмотрел в глаза адъютанта.

– А вы знаете, что по этому вопросу ко мне уже обращался ваш коллега Шмундт. Это вас не смущает?

– Скорее, наоборот, вдохновляет.

– Ах, даже так? – Гитлер неожиданно рассмеялся. – Тогда давайте вашего адмирала сегодня в 16.00.

Начало рассказа весьма взбудоражило Гофмайера. Он схватил стопку и громко шлепнул ее о столешницу только потому, что она оказалась пустой. Кельнерша поспешила исправить досадную оплошность.

– Ну а дальше?

– А дальше, как договорились, платишь ты.

– Перестань валять дурака, – искренне возмутился Гофмайер. – Ты же знаешь, что для меня это вопрос...

– Итак, в 16.00 адмирал предстал перед фюрером. И у них состоялся примерно следующий разговор:

– Если вы пришли убеждать меня, что без еврейского мусора нам обойтись нельзя, то напрасно, – бросил фюрер, пока адмирал садился в предложенное ему кресло напротив.

– Никак нет, мой фюрер, вполне можно. Но, признаться, я руководствовался вашим же высказыванием: «Кто еврей, а кто нет, определяю я».

– Это сказал Геринг, и я с ним согласился. Однако вы не фюрер и даже не Геринг, а потому вам следовало бы держаться поскромнее, – Гитлер пристально и долго всматривался в лицо Канариса. – Мне доложили, что эти нелюди используют вас, то есть военную разведку, чтобы уйти от справедливой кары.

– Извините, мой фюрер, но это не совсем так.

– А как? – Гитлер резко перегнулся через стол, и его голова оказалась настолько близко от лица адмирала, что он почувствовал несвежий запах изо рта фюрера.

– Приведите мне только один-единственный пример, когда хоть кто-то из этих людей принес бы или смог бы принести пользу Германии, – Гитлер откинулся на спинку кресла, и лицо его сразу уменьшилось в несколько раз.

Адмирал понимал, что каждая доля секунды промедления работает против него, а потому схватился за первую пришедшую на ум фамилию.

– Клаус Эдгар, например, выходец из Прибалтики. Во время Первой мировой войны был сослан русскими в Сибирь, где встал во главе пленных австрийских и немецких социал-демократов. Позже в качестве такового неоднократно приезжал в Москву и встречался со Сталиным.

Гитлер обхватил голову обеими руками и долго раскачивался молча.

– С кем? Со Сталиным? Почему мне вовремя не доложили? Канарис, хоть вы-то понимаете, что для меня Сталин сегодня важнее Черчилля? Когда я наконец увижу помимо блеска сапог еще хотя бы слабые проблески ума у наших военных?

– Известно ваше резко отрицательное отношение к этому человеку, поэтому мы не хотели раздражать вас упоминанием недостойного имени.

– Кому известно? Что за чушь? Я считаю Сталина одним из самых талантливых, а потому и самых опасных для нас политиков. И он сумел противостоять мне, а это уже талант и немалый. Представьте, потерять в результате нашего блицкрига половину армии, а затем остановить нас у самых ворот Москвы. Кстати, как вы думаете, почему он не покинул столицу, когда мы практически уже входили в город? Расчет это или уверенность?

– Думаю, уверенность, построенная на расчете.

Гитлер вновь поднял голову и долго смотрел в глаза собеседнику.

– Я думаю точно также. – Он резко поднялся и подошел очень близко к Канарису.

– Впредь полученную вами информацию относительно Сталина – Черчилля докладывайте мне лично. Связывайтесь через адъютанта Энгеля. А сейчас можете идти, – Гитлер еле поднял руку в знак прощального приветствия, затем резко повернулся и направился к своему столу.

Захлопнув за собой дверь кабинета, Канарис некоторое время стоял в нерешительности.

– Господин адмирал! Надеюсь, все прояснилось? – адъютант Энгель добродушно улыбнулся.

– К сожалению, главное осталось в подвешенном состоянии.

– Тогда прошу ко мне в кабинет.

Опустившись в кресло, Канарис дал выход распиравшим еще совсем свежим впечатлениям.

– Разговор был вполне доброжелательный, но безрезультатный.

– Вспомните заключительную фразу фюрера?

– Впредь полученную вами информацию относительно Сталина – Черчилля докладывайте мне лично. Связывайтесь через адъютанта Энгеля. При этом он ни словом не упомянул, остаюсь я здесь или отправляюсь служить на флот. А я, к сожалению, не спросил.

Адъютант добродушно улыбнулся:

– Это самое полезно, что вы сделали для себя в разговоре с фюрером сегодня утром. Фюрер плодит глобальные идеи и не опускается до технических вопросов по перемещению кадров. Вам дали четко понять, что вы должны делать.

– Но не сказали, где!

– Скажите, адмирал, могли бы вы, болтаясь в водах океана, добывать информацию о Черчилле, не говоря уж о Сталине?

– Вряд ли. Это сложно.

Адъютант развел руками.

– Вот вы и ответили на ваш вопрос. Так что идите в свой кабинет, садитесь за стол и продолжайте работать. Как ни в чем не бывало. Последнее обязательно. Вы меня поняли?

– Кажется, да.

Адмирал поступил точно так, как рекомендовал Энгель.

* * *

Кабинет встретил хозяина приветливо. Все предметы оставались на своих местах. И как ему показалось, даже заулыбались при его появлении.

Адмирал заказал свой обычный чай с лимоном, который тут же появился на подносе под белоснежной салфеткой. Но более всего порадовала адмирала его уютная кровать, стоявшая за стенкой в интимной части кабинета. Накрытая ярким английским пледом, она оставалась во все дни его отсутствия нетронутой. Ему показалось, что он запомнил даже складки на пледе в момент своего ухода.

Адмирал позвонил жене и сказал, что ночует на службе, так как работать придется допоздна, а завтра начнется тяжелая неделя.

Последнее было сущей правдой.

Шниттке закончил рассказ, составленный из того, что он сумел «собрать» за последние два дня, а также из того, что додумал.

Гофмайер на несколько мгновений застыл без движения, переваривая услышанное. Наконец, словно очнувшись от наваждения, кивнул официантке и заказал сразу четыре доппельте, а к ним на закуску «резерва».

Официантка понимающе улыбнулась, осторожно бросила взгляд на Шниттке. Тот легким кивком одобрил заказ. Когда все истребованное оказалось на столе, Гофмайер поднял наполненную доверху стопку.

– Если все сказанное правда, то первый тост должен быть за тебя.

– Я готов выпить за достойного человека при условии, что ты выбрасываешь из произнесенного тобой тоста сомнительное «если».

Условие было принято и застолье продолжено.

Около десяти часов вечера Шниттке решил попробовать пробудить трезвую мысль в пьяных головах.

– Послушай, ведь тебе завтра утром следует предстать перед очами адмирала. А для этого надо сиять, как новенькая монета, без каких-либо следов «излишеств», допущенных накануне.

Когда вышли на улицу и стали прощаться, Шниттке сформулировал два последних наставления:

– Несмотря на твои старые, скажем, добрые отношения с адмиралом, хочу напомнить тебе кличку, которую дали ему сослуживцы. Хитрый лис. И еще: когда было объявлено о его отставке, сотрудники пришли к единому мнению: адмирала погубили евреи. Так что постарайтесь обходить эту тему.

* * *

Несмотря на затянувшийся вечер накануне, в приемной адмирала Гофмайер появился ровно в восемь утра на следующий день, вызвав тем самым некоторую озабоченность на лицах адъютанта и секретаря.

Сообщение о том, что адмирал будет некоторое время занят, ничуть не смутило Гофмайера. Важным было то, что адмирал на месте и, как прежде, возглавляет абвер. Все остальное

представлялось вторичным. Гофмайер так уютно устроился в углу приемной, что секретарю не оставалось ничего другого, как предложить ему свежую газету.

Разворачиваться ее он не стал, а сразу углубился в содержание последней страницы. Первые пять полос были забиты информацией с фронта, от чего хотелось отдохнуть. Правда, и на последней «гражданская» тема почти отсутствовала. Герман прочитал несколько строк о судьбе пятнадцатилетнего Герхарда Баера из берлинского района Панков. Парень не отличался послушанием, плохо учился, большую часть времени проводил на Центральном вокзале Берлина. Здесь он встречал проезжавших через столицу Рейха солдат, ухитрялся войти к ним в доверие, под разными предлогами добирался до их нехитрого скарба, после чего бесследно исчезал.

Берлинский особый суд в ходе ускоренного судопроизводства приговорил подростка как вредителя нации к смертной казни. С целью ускорения приведения приговора в исполнение подросток из зала суда был переведен в тюрьму Плетцензее, где ему в тот же день отрубили голову на гильотине.

– Идиоты! Отправили бы лучше на фронт! Глядишь, пяток-другой солдат противника подстрелил бы. И фронту польза. А так – отмахнули голову сорванцу и радуются. При таком отношении к молодежи скоро воевать станет некому, – пробормотал про себя Гофмайер.

Газета, однако, предвидела подобную реакцию читателей и посвятила следующий материал на полосе награждению медными, серебряными и золотыми крестами «материнской славы» берлинских матерей, «подаривших» Германии от шести до восьми детей, – всего шесть тысяч четыреста одиннадцать. Вручал медали областной партийный руководитель Заукель.

Однако ни старательные матери, ни мудрый партруководитель не поколебали сложившееся мнение Гофмайера, что еще один солдат все равно не был бы лишним на фронте. Он отложил газету в сторону. В этот момент дверь открылась, и в ее проеме появились два офицера с небольшими чемоданчиками. Гофмайер знал обоих еще со времен подготовки к отправке во Францию в преддверии ее оккупации.

Стажировка тогда проходила на специальной базе, расположенной в красивейшем лесном массиве вблизи живописного местечка Бурглауэнштайн. Здесь, под сенью благоуханных лесов в небольших зданиях вполне невинного вида находились мастерские, исследовательские центры и лаборатории по разработке смертельных ядов, бесследно растворявшиеся в организме человека, а также создавались всевозможные приборы, позволявшие видеть и слышать «объект», когда он об этом даже не догадывался.

Встреча с Гофмайером в столь ранний час несколько озаботила обоих специалистов. Кивнув в знак приветствия, они поспешно исчезли.

– Гофмайер, дорогой, вы даже не представляете, как я рад вас видеть! – Адмирал поднялся навстречу вошедшему. – Вы знаете, Гофмайер, чем отличаются друзья от знакомых? – поинтересовался Канарис, сев в кресло напротив гостя.

Ответа не требовалось, а потому Гофмайер просто пожал плечами.

– Знакомые появляются в любое время, а друзья, когда в них возникает острая нужда.

В знак согласия Гофмайер покорно склонил голову.

– Мы с вами ветераны абвера. Пришли восемь лет назад и по сей день продолжаем верно служить.

– Простите, господин адмирал, но я в абвере уже более десяти лет. Пришел еще при вашем предшественнике, капитане 3-го ранга Патциге.

– Разве? Тогда вы здесь больший старожил, чем я. Но сегодня не это главное. – Он на секунду задумался. – Сегодня в этом кабинете можно вести себя предельно свободно. Специалисты только что тщательно проверили мой кабинет на предмет обнаружения всякого рода излучений. Воспользуемся случаем и поговорим откровенно.

– А завтра?

– Завтра будем говорить, как обычно. – Адмирал горько усмехнулся. – Итак, как вы уже наверняка знаете, возникли некоторые неприятности в связи с использованием нами агентуры еврейской национальности. – Адмирал пристально посмотрел на гостя, но, не обнаружив на его лице какой-либо реакции, продолжил: – Хотя известно, что во всех разведках мира евреи проявили себя как наиболее талантливые агенты, способные не только точно стрелять, но, главное, полезно мыслить.

– Простите, господин генерал, но на днях я присутствовал на выступлении Геринга перед ветеранами люфтваффе, где он сказал буквально следующее: «Если сегодня человек полезен для Германии, то цвет его волос и кожи меня абсолютно не интересуют».

– К сожалению, наши оппоненты из службы имперской безопасности разыгрывают еврейскую карту, чтобы скомпрометировать нас в глазах фюрера и, признаться, преуспели в этом, поставив под знак вопроса само существование абвера.

– Странно. Надеюсь, вы помните знаменитую встречу в опере «Унтер денлинден» руководителей партии и армии 3 января 1933 года, когда фюрер буквально со слезами на глазах умолял партию и военных объединить усилия ради процветания Германии.

– Еще бы, – оживился адмирал, – тогда я сидел в третьем, почетном ряду прямо за спиной адъютанта фюрера Фридриха Хосбаха. Все были потрясены речью фюрера и говорили только об объединении усилий ради будущего Германии.

– Тогда еще у вас отношения с Гейдрихом были нормальные.

– Более чем. Мы жили на южной окраине Берлина, на Доелештрассе, Гейдрих в доме 34, а я – 48. Да что там, ведь почти каждое воскресенье он приходил к нам, и они с моей женой Эрикой устраивали любительские скрипичные концерты.

– Говорили даже, что он упражнялся на скрипке, когда еще ходил на учебном судне «Берлин» в качестве практиканта, а судном командовали вы. Был к тому же хлипкого здоровья, имел скверный характер и мерзко-дребезжащий голос, за что и получил кличку «Коза».

– Постойте, Гофмайер, откуда вы все это знаете?

– В 1923 году я подвизался в интендантской службе на военно-морской базе в Киле.

– О! Дальше можете ничего не рассказывать. Интенданты на флоте – самые большие жулики и сплетники!

– Точнее, усердные собиратели информации. Так вот, по их данным, в те тяжелые времена именно вы, господин адмирал, оказали Гейдриху величайшую услугу, а именно пресекли упорно ходившие о нем слухи. В том числе и о его еврейском происхождении. Так что он многим вам обязан.

Адмирал откинулся на спинку кресла и устремил взгляд в потолок, словно переместился туда и сам. А вернувшись вновь в бытие, грустно покачал головой.

– Запомните, Гофмайер, добрые дела воспринимаются людьми как должное и забываются быстро. Недобрые же проникают в душу глубоко и остаются там надолго. Ну, впрочем, это так, к слову. – Он посмотрел на часы. – Мы с вами слишком углубились в историко-философские вопросы. Я же, признаться, хотел бы переговорить с вами на тему щекотливо-конфиденциальную.

– Слушаю. – Гофмайер выпрямился в кресле.

– То, что престиж абвера пострадал по вине евреев, считаю печальным недоразумением. А то, что наш сотрудник или сотрудники тайно от руководства абвера передали материалы по нашей агентуре в службу безопасности – преступлением. В результате фюрер потребовал тесного сотрудничества военной и политической разведок. Что ж, я согласен, но это должно осуществляться официально и на высшем уровне, а не путем кражи и закулисных интриг.

– Думаете, фюрер это осознает?

– Не знаю. Однако после вчерашней беседы с ним я принял решение разместить наших агентов-евреев в разных странах, в основном в Латинской Америке и законсервировать их активность до лучших времен.

– Мудрое решение, господин адмирал.

– Вы знаете, почему именно сейчас возникла проблема с нашими агентами-евреями? – продолжил адмирал.

– Почему с евреями – догадываюсь. Почему сейчас – не имею представления.

– А ведь это самое главное!

Адмирал некоторое время молча покачивал головой, но потом решил.

– Потому, что наши евреи, имеющие хорошие контакты в США, довольно легко и быстро разобрались в весьма сомнительных связях некоторых сотрудников Главного управления имперской безопасности с представителями потенциального и реального противника.

– Вы имеете в виду?

– Сегодня Шелленберг возглавляет политическую контрразведку Германии и одновременно является директором американской телефонно-телеграфной кампании «АТТ» вместе с кельнским банкиром фон Шредером. И все это, как теперь говорят, под «крышей» кружка друзей рейхсфюрера СС Гиммлера.

– Меня это не очень удивляет. Его подчиненные с гордостью называли его «виртуоз».

– Блестяще! – адмирал взмахнул правой рукой то ли в знак восторга, то ли от досады. – Но вернемся к вопросу возникших у нас дыр в связи с еврейской проблемой. Нам срочно необходимы несколько человек, которые имели бы возможность свободно передвигаться по миру и выполнять наши задания. Это должны быть люди, способные заменять нам евреев. Но они должны быть не евреями. Во всяком случае такие люди нам нужны на ближайшие полтора-два года, а там видно будет.

Я в конце месяца вылетаю на Украину. Там шеф «Абвер II» Ляхоузен подыскал якобы что-то приличное. Думаю, что и вам тоже удастся подобрать что-то взамен ушедших в вынужденную отставку семитов.

– Постараюсь, господин адмирал! – усмехнулся Гофмайер.

– Что ж, я в вас верю. Только учтите: сделать все надо качественно и очень быстро. Второе даже важнее первого.

Адмирал на секунду задумался.

– Впрочем, нет. Сегодня одинаково важны оба момента. Нас намеренно ставят в условия, чтобы мы из-за спешки понаделали как можно больше ошибок.

– Слишком примитивно.

– Зато эффективно. Да! И еще не менее серьезное: организуйте сотрудничество со службой имперской безопасности. Это я обещал фюреру. Если будет уж очень трудно – имитируйте таковое. Вы меня поняли, Гофмайер?

– Не только понял, но и проникся вашей идеей.

– Ну, тогда желаю успехов.

* * *

Телефонный звонок прервал приятный экскурс Гофмайера в недавнее прошлое.

– Господин полковник! Докладывает Зиберт. Мне сказали, что вы интересовались мной? Что-нибудь произошло?

– Не только интересовался, но и хотел лицезреть. И в связи с весьма серьезными обстоятельствами.

– Если это связано с появлением у вас небесного гостя, то считайте, что я в курсе событий. Более того, я думаю...

Гофмайера такое начало разговора не удивило, а покорило.

– То, что вы думаете, Зиберт, к делу не относится. В данном случае я выполняю решение, вытекающее из договоренностей наших высоких руководителей о сотрудничестве. Если вы придерживаетесь иного мнения, то скажите, и я не буду отвлекать вас пустыми звонками.

– Дорогой Гофмайер, вас напрасно раздражает, что я...

– Ошибаетесь. Меня не раздражает, а удивляет тот факт, что вы, казалось, опытный конспиратор, так беззаботно разглашаете ставшие известными вам оперативные сведения по телефону, к которому время от времени наверняка подключается противник.

В трубке послышалось какое-то недовольное мычание, затем шорох и наконец прорезался голос.

– Хорошо, через полчаса я буду у вас.

К тому времени, когда Зиберт появился в кабинете Гофмайера, тот уже успел поумерить свое раздражение.

– Садитесь, Зиберт, обсудим кое-какие события последних дней, – как ни в чем ни бывало ровным голосом начал хозяин кабинета.

– Простите, хочу для начала попросить у вас чашечку кофе. Чувствую себя в проклятом русском климате отвратительно.

– Пейте больше! – Гофмайер выдержал паузу. – Воды, естественно. В России необыкновенно сухой воздух.

Когда принесли кофе, Зиберт жадно выпил одну чашку и тут же наполнил вторую. Напиток подействовал быстро и явно положительно. Зиберт забросил ногу на ногу, давая понять, что готов выслушать все, даже самое несуразное.

– Так что же у нас сегодня в повестке дня, дорогой коллега?

С некоторых пор Гофмайер выстраивал свои отношения с Зибертом по принципу: быть твердым, но осторожным.

Во время последнего визита в Берлин Шниттке предупреждал его о том, что майор госбезопасности Зиберт, прикомандированный к действующей на Восточном фронте группировке «Север», является дальним родственником Лиины – жены руководителя имперской госбезопасности Гейдриха. Он направлен туда по инициативе самого патрона, который тщательно заботится о том, чтобы все лица, даже имеющие самое отдаленное отношение к его фамилии, после окончания войны могли бы с чистой совестью заявить, что не щадили себя во имя победы великой Германии на самых опасных участках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.